

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ОРЕНБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОРЕНБУРЖЬЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ВЫПУСК 10

Оренбург
Издательство ОГПУ
2012

УДК 902/904 (470.56)

ББК 63.4(2Р36)

А79

Редакционная коллегия

Н. Л. Моргунова, доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор)

А. А. Евгеньев, кандидат исторических наук, старший преподаватель

И. В. Матюшко, кандидат исторических наук, старший преподаватель

Л. А. Краева, кандидат исторических наук

Рецензенты

А. А. Выборнов, доктор исторических наук, профессор Поволжской государственной социально-гуманитарной академии

Л. В. Кузнецова, кандидат исторических наук, директор Самарского музея краеведения им. П. В. Алабина

В оформлении обложки и цветной вклейки использованы фотографии *Л. А. Краевой* и *А. С. Мирзаханова*

На обложке — курган 1 могильника Акоба II

А79 **Археологические памятники Оренбуржья** : сб. науч. тр. Вып. 10 / ред. кол.: Н. Л. Моргунова (отв. ред.), А. А. Евгеньев, И. В. Матюшко, Л. А. Краева ; Мин-во образования и науки Рос. Федерации, ФГБОУ ВПО «Оренб. гос. пед. ун-т». — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. — 244 с., [12] с. ил.
ISBN 978-5-85859-508-3

В сборнике публикуются статьи, представляющие археологические материалы по проблемам истории раннего бронзового века, раннего железного века и средневековья оренбургских степей и сопредельных областей Поволжья и Приуралья. Рассматриваются вопросы изучения неолита, абашевской, срубной, савроматской и других культур, культурного взаимодействия населения Приуралья, социальной структуры древних обществ.

Книга адресована археологам, историкам, специалистам естественных наук, краоведам.

УДК 902/904 (470.56)

ББК 63.4(2Р36)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Моргунова Н. Л. МЕРПЕРТ И ЕГО РОЛЬ В АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА	7
Мерперт Н. Я. НЕОЛИТ КАСПИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ.....	17
Васильева И. Н., Выборнов А. А. НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВИЛОВАТОВСКОЙ СТОЯНКИ: МОРФОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ	23
Ковалева И. Ф. КАТАКОМБНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ СЕВЕРОСТЕПНОГО ПОДНЕПРОВЬЯ С АЛТАРЯМИ.....	43
Малютина Т. С., Зданович Г. Б. ПОСЕЛЕНИЕ «КАМЕННЫЙ БРОД» — СПУТНИК УКРЕПЛЕННОГО ЦЕНТРА АРКАИМ: стратиграфические горизонты и ритмы повторов жизненных циклов в «Стране городов»	50
Салугина Н. П. КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАТУСА (по материалам могильника Уранбаш)	62
Купцова Л. В., Файзуллин И. А. РОДНИКОВОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В ЗАПАДНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ	70
Мухаметдинов В. И. ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ РОДНИКОВОГО ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ БРОНЗЫ	101
Крюкова Е. А., Евгеньев А. А., Купцова Л. В., Матюшко И. В. КОМПЛЕКСЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПЛЕШАНОВСКОГО II КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА	112
Мухаметдинов В. И. ТЕХНИКО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КЕРАМИКИ ПЛЕШАНОВСКОГО II КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА.....	134
Фомичев А. В. ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В БАССЕЙНЕ Р. КИИМБАЙ В ВОСТОЧНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ	140
Лопатин В. А., Леонтьева А. С. ИЗОБРАЖЕНИЯ ВЕПРЯ В ИСКУССТВЕ ДРЕВНИХ ИНДОИРАНЦЕВ. Опыт образно-логической реконструкции утраченного мифа	146
Моргунова Н. Л., Краева Л. А. КУРГАННАЯ ГРУППА АКОБА II.....	156
Хохлова О. С., Гольева А. А. РЕКОНСТРУКЦИИ КЛИМАТА И ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ПО ДАННЫМ ИЗУЧЕНИЯ КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА АКОБА II.....	200
Моргунова Н. Л., Мещеряков Д. В. ПОЗДНЕСАРМАТСКИЙ КУРГАН НА Р. БЕРДЯНКА В ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ	211
Матюшко И. В. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ.....	219
Бытковский О. Ф., Матвеев А. А. ПОГРЕБЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ВОСТОЧНОМ ОРЕНБУРЖЬЕ	226
Евгеньев А. А., Моргунова Н. Л. XIII УРАЛО-ПОВОЛЖСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ	239

Николай Яковлевич Мерперт

26.11.1922 — 29.01.2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2012 году исполняется 35 лет Оренбургской археологической экспедиции, созданной на базе Оренбургского государственного педагогического университета (в 1977 году — институт). Прошедшие годы были наполнены большой и плодотворной работой. На карте области появилось множество точек, означающих места древних поселений и курганных некрополей, организована система их учета и охраны. Раскопками изучены многие из них. Широкую известность приобрели такие памятники археологии, как Ивановское поселение, Болдыревские, Тамар-Уткульские, Бердянские, Шумаевские и другие курганы. Особое значение приобрели комплексные исследования, в последнее десятилетие проведенные совместно с представителями естественных наук.

Но очередной сборник научных трудов (также юбилейный — № 10) авторы публикаций первоначально планировали посвятить знаменательному юбилею — 90-летию со дня рождения Николая Яковлевича Мерперта — одного из патриархов российской археологии, внесшего огромный вклад в развитие археологических исследований на территории Волго-Уральского региона. Но так получилось, что 29 января 2012 года Николая Яковлевича не стало. Этот труд мы посвящаем его светлой памяти. Ученый неоднократно бывал в Оренбурге, руководил и направлял работу крупных научных конференций по проблемам изучения неолита, энеолита и бронзового века степей и лесостепей Восточной Европы.

Статья И. Н. Васильевой и А. А. Выборнова затрагивает проблемы изучения неолита Среднего Поволжья и Приуралья по материалам Вилловатовской стоянки, которую совместно исследовали в 80-е годы прошлого века археологи Оренбургского и Куйбышевского педагогических институтов. Авторы с использованием таких современных методов, как радиоуглеродный и технико-технологический анализ керамики, по-новому рассмотрели материалы этого важнейшего памятника.

В связи с последней публикацией весьма гармонично выглядит статья Н. Я. Мерперта, посвященная общим проблемам неолита степной полосы Восточной Европы. В рукописном виде она долгое время хранилась в архиве ОГПУ и представляла собой черновик доклада, с которым Н. Я. Мерперт выступил в 1986 году в Оренбурге на пленарном заседании открытия конференции «Проблемы неолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы». Рукопись доработана с помощью магнитофонной записи его доклада.

Интересный сюжет в связи с интерпретацией каменных предметов, которые обычно называют наковальнями или растиральниками, предлагается И. Ф. Ковалевой. В ее статье приводятся весомые аргументы о принадлежности данных предметов в погребениях катакомбной культуры Поднепровья к культовой сфере и предлагается рассматривать эти находки как каменные алтари.

Публикации материалов неукрепленного поселения Каменный Брод, спутника городища Аркаим, посвящена статья Т. С. Малютиной и Г. Б. Здановича. На примере данного памятника и его связи с Аркаимом показана сложная иерархия формирования территориальных округов вокруг крупного городища в аркаимо-синташтинской культуре.

В работе Н. П. Салугиной предпринята попытка ввести в научный оборот еще один вид источника, который может применяться при анализе социальной структуры древних обществ, — керамика и, в частности, технология изготовления сосудов с примесью шлаков и дробленой кости. В представленной статье рассматриваются результаты технико-технологического анализа керамики из курганного могильника Уранбаш, расположенного в Оренбургской области в округе известных Каргалинских рудников, исследованного экспедицией Оренбургского педагогического университета в 1991—1992 гг.

В настоящий сборник вошли статьи сотрудников и аспирантов археологической лаборатории ОГПУ, посвященные разным этапам истории Оренбуржья в бронзовом веке. В статье Л. А. Купцовой и И. А. Файзуллина публикуется массовый материал Родникового поселения у с. Чесноковка Переволоцкого района, свидетельствующий о продолжительных и тесных контактах населения бронзового века восточноевропейской и азиатской областей степной

зоны. Материалы памятника, исследованного еще в начале 80-х годов прошлого века, долгое время оставались невостребованными. Результаты технико-технологического анализа керамических материалов по методике А. А. Бобринского, проведенного В. И. Мухаметдиновым, также публикуются в настоящем сборнике.

Курганный могильник у с. Плешаново был исследован в 2010 году коллективом археологической лаборатории ОГПУ. Все погребальные сооружения могильника относятся к срубной культуре. Публикация материалов дополняется статьей В. И. Мухаметдинова, в которой даются результаты технико-технологического анализа.

В работе А. В. Фомичева представлена краткая характеристика поселенческих памятников, сосредоточенных в бассейне р. Киимбай в Восточном Оренбуржье. Памятники рассматриваются в связи с металлопроизводственной деятельностью населения кожумбердинской группы алакульской культуры в данном регионе.

Значительный интерес представляет статья саратовских коллег В. А. Лопатина и А. С. Леонтьевой, посвященная одному из сюжетов звериного стиля в искусстве сарматской культуры — изображениям вепря. Проведенный в данной работе анализ известных изображений и образно-логическая систематизация показали четкую канонизацию мотивированных поз этого зверя, прослежена динамика развития образа, сделан вывод, что они являются отражением исторической памяти некоего универсального мифа, соответствующего значимым идеологическим реалиям первобытного общества.

Статьи Н. Л. Моргуновой, Л. А. Краевой и Н. Л. Моргуновой, Д. В. Мещерякова посвящены публикации уникальных памятников сарматской культуры. Курганы у с. Акоба в Акбулакском районе представляют уникальный комплекс сооружений и находок V—IV вв. до н.э., находящих аналогию в курганах сарматской знати у с. Филипповка. Курган № 6 на Бердянке относится к финалу сарматской культуры в Приуралье и датируется III веком н.э. Он также был предназначен для представителя элиты сарматского общества. Публикация акобинских курганов дополняется данными палеопочвенных исследований и микробиоморфного анализа, представленными в статье О. С. Хохловой и А. А. Гольевой.

В статье И. В. Матюшко рассматривается история изучения памятников кочевников эпохи средневековья в Оренбургской области, анализируется процесс накопления источниковой базы и ее осмысления, ставятся нерешенные вопросы.

Публикация новых материалов из восточных районов Оренбуржья по истории средневековых кочевников предлагается в статье О. Ф. Бытковского и А. А. Матвеева.

В заключительной статье А. А. Евгеньева и Н. Л. Моргуновой подведены итоги прошедшей в Оренбурге в 2011 году XLIII Урало-Поволжской археологической студенческой конференции.

МЕРПЕРТ И ЕГО РОЛЬ В АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА

Николай Яковлевич Мерперт — один из выдающихся археологов России, имя и труды которого получили широкую известность и мировое признание¹. Но для меня он не только корифей отечественной археологии, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Лауреат Государственной премии России, но и Учитель, и просто замечательный, добрый, отзывчивый, благородный и честный человек. Будучи его ученицей в годы аспирантуры в Институте археологии РАН (1980—1983 гг.), я и все последующие годы ощущала его заботу и внимание ко всему, что делала в археологии Оренбуржья. Поэтому особенно трепетно храню как реликвии свидетельства его связи с оренбургской археологией.

К концу 70-х — началу 80-х годов прошлого века Николай Яковлевич уже давно и плодотворно работает в Болгарии, затем в Месопотамии и на Ближнем Востоке. Однако в то же время он не забывает Поволжье, и его внимание было также приковано к тем выдающимся открытиям новых памятников энеолита и бронзового века, что совершались и совершаются здесь в результате развернувшихся с 1970 г. работ Средневожской археологической экспедиции под руководством Г. И. Матвеевой и И. Б. Васильева, а затем и Оренбургской экспедиции (с 1977 г.). Стремительно накапливался фонд новых источников — грунтовые энеолитические могильники Съезжее, Хвалынский; поселения эпох неолита и энеолита — Виловатое, Ивановка, Елшанские; курганные могильники Утевские, Покровка, Болдырево, Ниж. Павловка, Тамар-Уткульские и другие. Затем последовали плодотворные исследования самарскими археологами памятников в Северном Прикаспии и раскопки А. И. Юдина Варфоломеевского поселения на Узеньях, ставшего эталоном неолитических памятников Поволжья.

Без сомнения, успешному научному осмыслению новых материалов способствовали труды наших предшественников, совершивших, можно без преувеличения сказать, подвиг в 50—60-е годы, спасая многие памятники археологии в зонах строительства гигантских гидроэлектростанций и водохранилищ на Волге. Среди них был Николай Яковлевич, который, возглавив один из отрядов Куйбышевской археологической экспедиции, провел масштабные раскопки поселений и курганов бронзового века у сел Ягодное и Хрящевка в Ставропольском районе Куйбышевской области. В результате впервые после работ В. В. Гольмстен, П. П. Рыкова и П. Д. Рау в 20—30-е годы были получены массовые материалы по истории срубной культуры в Поволжье. При этом следует особо отметить, что, несмотря на последующее значительное увеличение раскопанных памятников срубного типа, как курганов, так и поселений, материалы Н. Я. Мерперта, полученные 60 лет назад, остаются наиболее результативными. Объяснение их востребованности мне видится достаточно простым. Оно заключается в безупречной честности ученого, в полной мере исполнившего свой научный долг — от тщательности применения полевой методики раскопок до полной публикации полученных материалов с глубочайшим их осмыслением.

Что касается полевой методики, то им использовались обычные для того времени методы, и сам он был тогда еще достаточно молодым исследователем (чуть более 30 лет). Однако большой полевой опыт, приобретенный Николаем Яковлевичем в годы студенческие на раскопках в Великом Новгороде, затем под руководством С. Н. Киселева и Л. А. Евтюховой в Монголии, а вместе с тем такие качества, как добросовестность, наблюдательность, интуиция, способствовали успешному проведению раскопок, причем широкими площадями. Так, исследования одним раскопом I Сусканского поселения на площади более 3 тысяч кв. м позволили выявить жилища разных типов и установить их место в периодизации срубной культуры (Мерперт, 1958).

¹ Ряд фактов о хронологической последовательности его научной деятельности используется мною далее по его книге «Из прошлого: далекого и близкого. Мемуары археолога». М., 2011.

По данным раскопок курганов была создана четырехэтапная периодизация срубной культуры Поволжья (Мерперт, 1954). Эта схема, без сомнения, выдержала испытание временем и в настоящее время является востребованной во всех работах по данной тематике. Наряду с этим ученый затронул многие аспекты истории населения бронзового века Поволжья — образа жизни, хозяйства, демографии, социальных отношений, духовности. И следует заметить, что историзм в археологических исследованиях Николай Яковлевич всегда считал главным и основным достоинством отечественной археологии и всегда следовал этому методологическому принципу. В работе экспедиции помимо начальника КАЭ Алексея Петровича Смирнова активное участие принимали такие известные в последующем ученые, как Р. М. Мунчаев, Э. А. Федорова-Давыдова, Л. П. Зяблин. Антропологические и остеологические определения провели крупнейшие специалисты в этих областях науки того времени Г. Ф. Дебец и В. И. Цалкин.

В материалах курганов у Ягодного и Хрящевки ученый выделил ранний этап срубной культуры, отметив в них черты предшествующего ямно-полтавкинского горизонта. Так, впервые в трудах ученого были затронуты проблемы тематики, ставшей впоследствии одной из ключевых в его творчестве. В 1957 году Н. Я. Мерперт сменил Константина Федоровича Смирнова на посту начальника Сталинградской экспедиции, где совместно с Валентином Павловичем Шилом продолжил широкие раскопки древнеямных курганов у с. Быково, начатые К. Ф. Смирновым¹. А за год до этого по приглашению Е. И. Крупнова он посетил ряд экспедиций в Предкавказье и, в частности, познакомился с памятниками майкопской культуры, придя к заключению о тесной взаимосвязи степного и раннеземледельческого населения, а вместе с тем и о необходимости рассмотрения степной проблематики с широким территориальным охватом. В 1959 году Николай Яковлевич выступил с докладом по проблемам ямной культуры на симпозиуме «Европа в конце каменного века» в Чехословакии. Впервые история степных культур бронзового века в Восточной Европе была представлена как специфический вариант древних цивилизаций, сыгравших значительную роль в судьбах населения всего евразийского пространства (Мерперт, 1961а; 1961б; 1965).

В этой связи интересно отметить, что уже с 1961 года ученый начинает работать в зарубежных экспедициях — в Египте (1961—1963), в Болгарии, с 1969 года — в Ираке и Сирии. Но именно в 60-е годы, когда участие в грандиозных раскопках болгарских теллей требовали много времени на обработку материалов, составление отчетной документации, осмысление новых материалов, Николай Яковлевич продолжает работать по степной тематике, по проблемам энеолита и бронзового века Восточной Европы, пишет фундаментальную по содержанию и объему докторскую диссертацию. Поэтому представляется, что обращение к истории Балкан, Месопотамии и Ближнего Востока в плане изучения степных культур было для него закономерным и позволяющим по-настоящему понять истоки многих новаций и специфику их развития.

В 1968 году Н. Я. Мерперт успешно защитил докторскую диссертацию «Древнейшая история степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н.э.)». Это глобальное по территориальному и хронологическому охвату исследование. В нем обобщены материалы, накопленные к тому времени от Урала и Поволжья до Поднестровья, обстоятельно охарактеризован каждый из девяти выделенных им вариантов ямной культурно-исторической области. Благодаря его труду ямная культура предстала как одна из ярких страниц в истории не только степей Восточной Европы, но и всей Евразии. Впервые тщательный и последовательный анализ типологии погребального обряда с опорой на стратиграфию ямной культуры позволил выделить ее хронологические горизонты, проследить динамику развития. Масштабность исследования и новаторский подход отмечаются по всем направлениям этого труда, ставшего классическим в советской археологии. Впервые был поставлен вопрос об индоевропейской принадлежности ямной культуры и возможной локализации индоевропейской прародины в степях Восточной Европы. Впервые хозяйство населения ямной культуры было

¹ Начиная с 1956 года К. Ф. Смирнов возглавил Южно-Уральскую (Оренбургскую) экспедицию ИА АН СССР. На территории Оренбургской области экспедиция вела успешные работы вплоть до начала 70-х годов.

определено как подвижное скотоводство. Впервые сделано заключение о высокой степени социальной дифференциации ямного общества. Особо Н. Я. Мерперт отметил возможности подвижных скотоводов проникать в пределы земледельческих культур, устанавливать тесные контакты с ними, распространять технические достижения того времени. И наконец, впервые степные пространства Восточной Европы стали рассматриваться как территория специфического пути развития евразийских цивилизаций. Истоки этой специфики ученый видит еще в мезолите — неолите, окончательное оформление — в неолите — бронзовом веке.

При этом следует отметить, что исследование Николая Яковлевича в полной мере опиралось на достижения археологии тех лет по данной тематике. Им учтена буквально каждая публикация; дана оценка, как правило положительная, вклада в изучение степной бронзы его предшественников.

Н. Я. Мерперт на заседании конференции по проблемам энеолита степей-лесостепей Восточной Европы. Оренбург. 1980 г.

Особое внимание в работе Н. Я. Мерперта уделено волжско-уральскому варианту ямной КИО, в рамках которого были выделены три локальные группы: нижеволжская, средне-волжская и приуральская (Мерперт, 1968; 1974). В то время большинство ямных памятников находилось на Нижней Волге, в Приуралье было известно не более 30 погребений из раскопок К. Ф. Смирнова. Тем не менее именно урало-поволжскому региону ученый придавал лидирующее значение в формировании ямного единства (1974; 2006). Это заключение было сделано в большей степени на уровне научной интуиции, поскольку в 60-е годы памятники, предшествующие ямной культуре, — энеолитические — здесь были практически неизвестны. Однако такие погребальные комплексы, как Бережновка 5/22, им безошибочно отнесены к древнейшему хронологическому горизонту ямной общности, синхронизированы со среднестоговскими памятниками, Нальчикским могильником и со временем распространения конеголовых каменных скипетров эпохи энеолита. Позднее с открытием энеолитических Хвалыньских могильников в Поволжье гипотеза Н. Я. Мерперта об истоках формирования ямной культуры нашла безусловное подтверждение (Васильев, 1981; Дремов, Юдин, 1992; Моргунова, 1995; 2011).

В связи с открытиями 70—80-х годов памятников эпох неолита и энеолита в Поволжье и на Южном Урале весьма важными в оценке вклада Н. Я. Мерперта в изучение культур бронзового века степей Восточной Европы явились конференции 1980 и 1986 годов в Оренбурге. В них принимали участие все ведущие специалисты по данному направлению в советской археологии того времени. Можно сказать, что новые открытия явились проверкой на прочность концепции ямной культуры, созданной Н. Я. Мерпертом. На одном из итоговых заседаний конференции 1980 года по проблемам эпохи энеолита степей Восточной Европы мне, тогда еще молодому, только делавшему первые шаги в археологии специалисту, на всю оставшуюся жизнь врезались слова, сказанные Николаем Яковлевичем: «Собственно говоря, в свете новых открытий в Поволжье мне отказываться от прежде сделанных выводов не приходится». Как большой ученый, настоящий мэтр в науке, он бы легко это сделал. Но такой необходимости не было. Новые материалы практически в каждом звене подтверждали правильность его концепции и развивали все ее направления.

Н. Я. Мерперт на заседании конференции по проблемам энеолита степей-лесостепей Восточной Европы. Оренбург, 1980 г. На заднем плане: Т. Д. Белановская, Л. Я. Крижевская, В. Ф. Старков, Р. С. Габяшев, В. П. Третьяков, В. А. Сафронов, А. А. Выборнов, А. Т. Синюк, В. В. Никитин, И. Б. Васильев и другие

Сам же Николай Яковлевич внес в связи с новыми материалами весомый вклад в разработку понятия «энеолит», поддержанную большинством участников конференции (Мерперт, 1980; 1981). В то время к энеолиту относили культуры исключительно раннеземледельческого ареала, что и легло в основу тома «Энеолит СССР» из серии «Археология СССР», в котором в 1982 г. проблемам выделения степного энеолита была посвящена лишь небольшая статья Н. Я. Мерперта в конце тома без подробной характеристики и иллюстраций средне-стоговской, хвалынской и других культур (Мерперт, 1982, с. 321—331). Тем не менее в последующие десятилетия исследования энеолитических памятников степной зоны Восточной Европы проводятся согласно теоретическим разработкам, предложенным Н. Я. Мерпертом. Они легли в основу резолюции, утвержденной на оренбургской конференции 1980 года: «Под энеолитом следует понимать период регулярного распространения металлических, а конкретно — медных изделий, в том числе орудий, связанных с основными видами производства». Для всего периода характерно использование лишь «чистой» меди — самородной или металлургической — без умышленных легирующих примесей. В техникековка сочетается со все более совершенствующимся литьем. Медные орудия сосуществуют с каменны-

ми, соотношение между ними специфично в конкретных областях» (Мерперт, 1981, с. 20). Второй пункт резолюции гласил: «...экономическое содержание периода не идентично для всей территории, охваченной распространением металла, оно отличается своеобразием в различных экологических зонах и в различных исторических условиях... внедрение металла везде вызывало прогресс как традиционных форм хозяйства, так и активизацию связей с центрами возникновения производящего хозяйства».

Н. Я. Мерперт и А. Х. Халиков. Оренбург, 1986 г.

Таким образом, энеолитический характер в свете данных теоретических установок, соответствующих общим принципам археологической периодизации и признающих дифференцированный подход к экономическому содержанию конкретных культур, был установлен для степных культур со скотоводческим хозяйством (азово-днепровская, среднестоговская, хвалынская, самарская) и культур волосовско-гаринской общности с присваивающим хозяйством.

В 1986 году в Оренбурге состоялась не менее значительная по постановке проблемных задач и по уровню участия специалистов конференция «Проблемы эпохи неолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы». На открытии конференции Н. Я. Мерперт сделал доклад, в котором с предельной ясностью и четкостью обозначил важнейшие вопросы в исследованиях степного неолита и важность данной темы для изучения всей последующей истории Евразии. Доклад публикуется в настоящем сборнике.

Могу без преувеличения сказать, что участие Н. Я. Мерперта не только в памятных, особенно для меня, оренбургских конференциях, но и многих других — в Куйбышеве (ныне г. Самара), в Саратове и в других городах Поволжья и Урала консолидировало участников вокруг наиболее важных проблем, определяло дальнейший ход исследований. На каждой из конференций помимо проблемного доклада на заданную тему Николай Яковлевич делал сообщения об открытиях в Болгарии и о раскопках в Месопотамии, проводя широкие параллели со степными культурами неолита — энеолита — бронзового века. Это была своеобразная «школа» не только для молодых археологов, но и ученых старшего поколения, поскольку в то время возможностей узнать что-то о достижениях зарубежной археологии было немного.

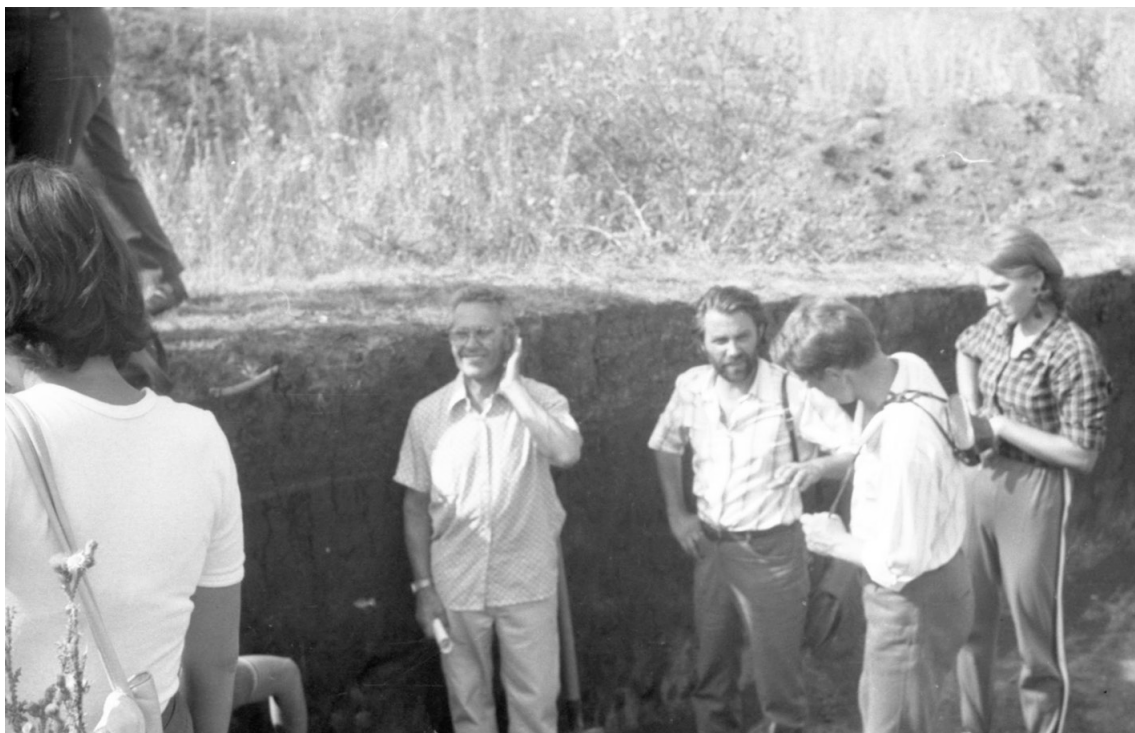

Участники совещания 1986 г. в Оренбурге по проблемам изучения неолита степей Восточной Европы.

1 ряд (слева направо): А. Н. Мелентьев, Л. Я. Крижевская, А. Х. Халиков, Д. А. Крайнов, И. Ф. Ковалева, Н. Я. Мерперт, Н. Л. Моргунова, Д. Я. Телегин, Б. Г. Тихонов, И. Г. Петренко, В. Я. Кияшко, Е. Н. Титова.

2 ряд: Ю. Б. Цетлин, А. А. Смирнов, А. Е. Мамонов, Л. А. Наговицын, А. А. Выборнов, А. Ф. Мартынюк, В. В. Никитин, П. Ф. Кузнецов, Р. С. Габяшев, П. П. Кольцов, ?, А. А. Плешаков, В. С. Мосин, В. Ф. Зайберт, И. Б. Васильев, ?, ?, 3. П. Марина, Н. С. Котова, О. И. Порохова, ?, Е. Л. Костылева.

3 ряд: 2-й слева — Л. Т. Яблонский, студенты ОГПИ, 9-й — А. И. Юдин, А. А. Хреков, С. В. Богданов студенты ОГПУ

Полевой семинар на поселении Муллино в Башкирии, 1982 год. В центре — Н. Я. Мерперт. Слева от него — И. Б. Васильев, М. Ф. Обыденнов, Г. Т. Обыденнова

Выступление Н. Я. Мерперта на пленарном заседании открытия конференции в Оренбурге по проблемам неолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы, 1986 г.

Н. Я. Мерперт и Н. Л. Моргунова. Москва. Институт археологии. 2004 год

Николай Яковлевич Мерперт в своем кабинете Института археологии. 2005 год

21 IV 1993.

Дорогая Ниночка!

От всего сердца благодарю Вас и всех участников превосходного сборника, который глубоко меня тронул и очень обрадовал. Считаю его большой для себя честью.

И главное: как же резко изменилось состояние изученности Волго-Уральского междуречья за последние 20 лет! И как значительным здесь Ваше вклад и вклад Ваших коллег и учеников. Роль этого региона в древнейшей истории Евразии предстает ныне в совершенно новом свете.

Торжественно Вам желаю еще плодотворной деятельности и всестороннего благополучия на многие-многие годы.

Ваш Н. Я. Мерперт

Письмо Н. Я. Мерперта Н. Л. Моргуновой от 21 апреля 1993 года в связи с выходом первого сборника по археологии Оренбуржья «Древняя история волго-уральских степей» (Оренбург, 1992), посвященного 70-летию ученого

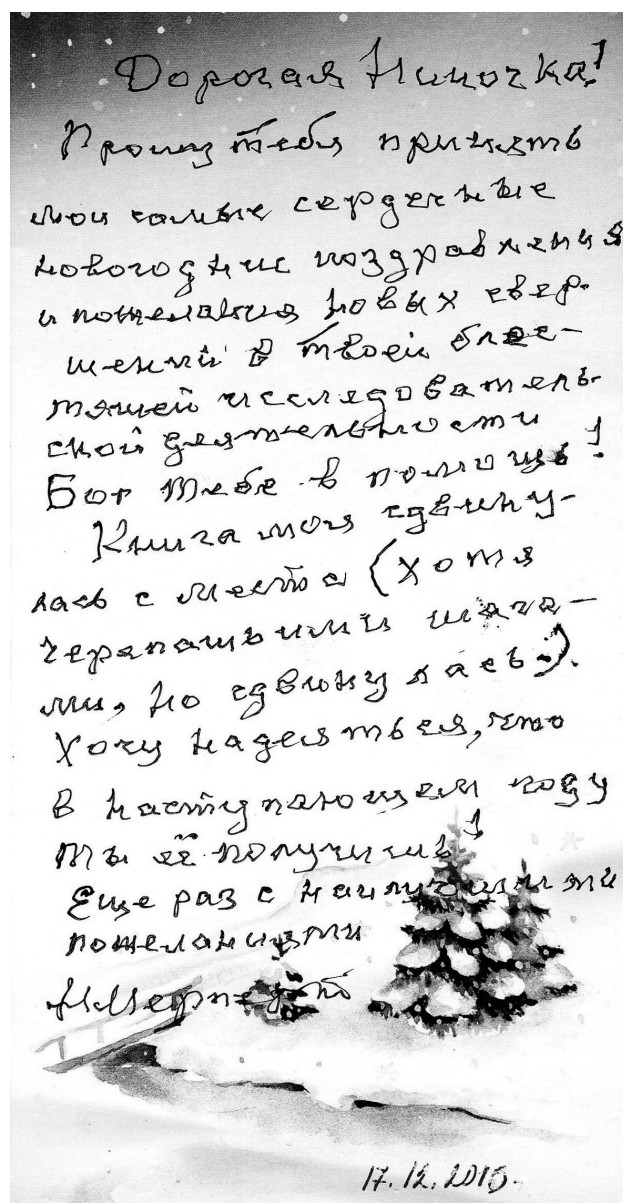
8.XII.2007.

Дорогая моя Ниночка!

С Новым годом! С Новым счастьем! Здоровья Вам и благополучия дома, новых открытий и широких научных познаний в науке, где Ваше имя, высокая Ваша репутация давно завоеваны и признаны. Благодарю Вас за утверждение понятия «Оренбургская школа», «Оренбургский археологический центр». Бесконечно за Вас рад! Так держать!

Целую
Н. Я. Мерперт

Письмо Н. Я. Мерперта Н. Л. Моргуновой от 08.12.2007 года, в котором ученый отмечает заслуги оренбургской археологии

Письмо Н. Я. Мерперта от 17.12.2010 года (последнее), в котором он пишет о работе над своими мемуарами. Его надежды оправдались. Он успел увидеть их изданными

Так, казалось бы, незаметными усилиями Николая Яковлевича Мерперта, находившегося всегда в центре мировой археологической науки, а также долгое время возглавлявшего сектор неолита и бронзового века Института археологии РАН (в то время АН СССР), были подготовлены многочисленные кадры и укреплены археологические лаборатории в университетах Урала и Поволжья. Прежде всего это специалисты в области неолита — энеолита — бронзового века. Многие из них являлись соискателями или закончили аспирантуру в Москве и под руководством Учителя защитили кандидатские, а затем и докторские диссертации: И. Б. Васильев, В. С. Горбунов, Н. Л. Моргунова, А. П. Семенова, О. В. Кузьмина, М. А. Турецкий, Т. С. Малютина, О. Н. Корочкова, Н. М. Малов, Н. И. Шишлина и другие.

Список использованной литературы

- Васильев И. Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.
Дремов И. И., Юдин А. И. Древнейшие подкурганные захоронения степного Поволжья // РА. № 4. 1992.
Мерперт Н. Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // МИА. 1954. № 42.
Мерперт Н. Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 1958. № 61.

- Мерперт Н. Я.** Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой // КСИА. 1961а. Вып. 83.
- Мерперт Н. Я.** Энеолит степной полосы европейской части СССР // *L'Europe à la fin de l'âge de la Pierre*. Praga, 1961б.
- Мерперт Н. Я.** О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке // КСИА. 1965. Вып. 105.
- Мерперт Н. Я.** Древнейшая история степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н.э.): дис. ... д-ра ист. наук // Архив ИА РАН. Р-2. 1968. № 2010, 2011, 2012.
- Мерперт Н. Я.** Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мерперт Н. Я.** Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
- Мерперт Н. Я.** К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы волго-уральской лесостепи. Воронеж, 1981.
- Мерперт Н. Я.** Энеолит Юга СССР и Евразийские степи // Археология СССР. Энеолит СССР. М., 1982.
- Мерперт Н. Я.** Об этнокультурной ситуации IV—III тыс. до н.э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.
- Мерперт Н. Я.** Вводное слово // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2006.
- Моргунова Н. Л.** Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-уральского междуречья. Оренбург, 1995.
- Моргунова Н. Л.** Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург, 2011.

Н. Я. Мерперт

НЕОЛИТ КАСПИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКИХ СТЕПЕЙ: НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ¹

Сама возможность постановки вопроса о неолите Каспийско-Черноморских степей, а шире — степной полосы Евразии в целом, — о роли этой полосы в неолитизации и общем развитии европейской части СССР, о специфике отдельных степных регионов и наличии здесь конкретных неолитических культур появилась фактически лишь в последние десятилетия. Она обусловлена прежде всего значительной активизацией целенаправленных работ на территориях, представлявших ранее подлинные белые пятна на карте неолита нашей страны. К таким территориям должны быть отнесены степные регионы Подонья, Поволжья, Южного Урала, Прикаспия.

В целом картина исследования неолита европейской части СССР еще четверть века тому назад была крайне диспропорциональной — и в меридиональном, и в широтном направлениях. Неолит северной части этой территории — то есть лесной зоны и частично лесостепной подзоны — имел определенную традицию исследования со времен классика нашей науки В. А. Городцова. Были разработаны и предложены основные его характеристики, выделен ряд конкретных культур, дискуссировался вопрос их генезиса, ставились вопросы их хозяйственной специфики, взаимодействия, места в общеисторическом и даже этногенетическом процессах. Фактически как палеогеография, так и ступени развития неолита этих обширных областей были в основном намечены, а в последующие годы заметно конкретизированы в результате систематических плодотворных исследований в Прибалтике и Карелии, Белоруссии и Северной Украине, Верхнем Поволжье и в Центре Европейской России, в Волго-Камском районе и лесном Приуралье.

Совершенно закономерно, что и первые крупные обобщающие исследования по рассматриваемой проблематике, появившиеся с конца 30-х до начала 60-х годов и принадлежащие перу В. И. Равдоникаса, А. Я. Брюсова, М. Е. Фосс, Н. И. Гуриной, В. М. Раушенбах

¹ Этот доклад был прочитан Н. Я. Мерпертом на пленарном заседании открытия конференции «Проблемы неолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы», состоявшейся в г. Оренбурге в феврале 1986 года. Тезисы доклада им не были представлены к сроку их публикации до начала конференции. Данный доклад им был передан в Оргкомитет конференции в рукописном виде, но по разным причинам так и не был опубликован. Некоторые правки текста и научный аппарат в данной публикации сделаны Н. Л. Моргуновой. Основные положения доклада, без сомнения, не утратили своей важности и научного значения и по сей день.

и других, охватывали прежде всего, а в большинстве случаев и исключительно, материалы лесных областей.

Весьма характерна в этом плане структура книги А. Я. Брюсова (1952), посвященная неолиту европейской части СССР в целом. После восьми глав, рассматривающих конкретные культуры северной зоны, автор лишь две маленькие главы отводит самому беглому обзору разрозненных материалов южной зоны (в основном из лесостепных районов), отмечая чрезвычайно слабую ее изученность и приходя к выводу о «бросающейся в глаза кратковременности существования здесь неолита по сравнению с северной зоной». На приведенной автором карте, озаглавленной «Наметившиеся области распространения ранненеолитических культур на юге СССР», отмечена только одна и то предполагаемая ранненеолитическая культура, названная донецкой, выделенная на основании весьма ограниченных материалов Н. В. Сибилева и С. Локтюшева. Карты же развитого и позднего неолита в книге нет совсем, соответствующие памятники лишь кратко упоминаются без четкой хронологической дифференциации (Сурской остров, 8-я Игреньская стоянка, Мариупольский могильник, Марьяновская стоянка, Средний Стог II). Автор правильно предугадывает формирование в южной зоне ряда неолитических культур, но именно предугадывает, не разрабатывая этот правильный тезис и рассматривая даже такие ключевые памятники, как Мариупольский могильник, через призму северных неолитических культур, которые волей-неволей становятся эталоном для неолита европейской части СССР в целом (Брюсов, с. 207 сл.). Для ряда же районов, таких как Днестровско-Днепровское междуречье или Нижнее Поволжье, А. Я. Брюсов, ссылаясь на М. Рудинского, Т. С. Пассек, Т. М. Минаеву, пишет о мизерности и даже полном отсутствии памятников развитого неолита.

Но вместе с тем, четко сознавая роль степной полосы и южной зоны в ходе развития древнейшей истории Восточной Европы и, прежде всего, в распространении здесь производящих форм экономики — земледелия и скотоводства, А. Я. Брюсов в целях развития этого тезиса выходит далеко за хронологические рамки подлинного неолита и рассматривает развитые культуры энеолита и даже бронзового века (среднеднепровскую, волынскую мегалитическую, трипольскую, ямную, катакомбную и полтавкинскую). В такой резкой диспропорции сказываются не только профессиональная специфика автора, но и в значительной мере и само состояние вопроса, база его источников к моменту написания книги.

Такое положение, в свою очередь, имело определенную традицию. Достаточно вспомнить остро дискуссионную, вызывающую ныне многочисленные возражения, но для своего времени весьма значительную книгу А. П. Круглова и Г. В. Подгаецкого (1935) «Родовое общество степей Восточной Европы», специально посвященную уже только южной зоне, только степной полосе. Там, правда, нет термина «неолит», как нет и прочих терминов обычной археологической таксономии. Но первая стадия развития родового общества Каспийско-Черноморских степей, выделенная авторами, согласно приведенным ими характеристикам, должна соответствовать неолиту и даже, судя по полному отрицанию наличия производящих форм хозяйствования, чуть ни первой его ступени. И опять наряду с упоминавшимися уже материалами Н. В. Сибилева и С. Локтюшева, наряду с разновременными кремневыми коллекциями с развешанных дюнных стоянок и разновременными же, весьма ненадежно датированными культурными слоями в первую стадию включена древнейшая культура, предельно примитивизированная и, прежде всего, лишенная как производящих форм хозяйства (даже их зачатков), так и металлургии. В этой связи следует подчеркнуть, что первооткрыватель культуры В. А. Городцов отнес ее к ранней поре палеометаллической эпохи, отметив лишь пережиточные неолитические черты в керамике (куда правильнее!). О самом же степном неолите он из-за отсутствия материалов развернуто вопрос не ставил, весьма внимательно, как уже отмечалось, относясь к выделению неолитических культур северной зоны.

Теперь о диспропорции в широтном направлении. Здесь картина чрезвычайно близка той, которую я в свое время отметил для степного энеолита (Мерперт, 1980, с. 10 сл.). Тогда я писал о создании значительного фонда источников, а далее и весьма широких и научно

значимых обобщений как для раннего, так и для позднего энеолита Украины и об отсутствии как равноценных материалов (вплоть до 70-х годов), так, соответственно, и подобных обобщений для более восточных районов степи, о контрасте, начало ликвидации которого стало возможным лишь с открытием самарской и хвалынской культур (Васильев, 1981). То же, повторяю, и со степным неолитом. Начиная с работ Н. Макаренко, а далее М. Рудинского и А. В. Добровольского стал создаваться фонд источников по степному неолиту Южной Украины, многократно умноженный впоследствии целенаправленными и регулярными полевыми исследованиями, охватившими целый ряд районов Днестро-Днепровского, Днепро-Донского междуречий как в пределах самой степной зоны, так и на смежных с ней лесостепных территориях. Этот фонд обусловил создание больших обобщающих работ, среди которых отмечу прежде всего широко известные монографии Д. Я. Телегина (1968) и В. Н. Даниленко (1969). К востоку от Дона ни подобных по обилию, многообразию и регулярности материалов, ни, естественно, опытов монографического их обобщения не было. Когда В. Н. Даниленко попытался привлечь памятники этой территории как сравнительный материал для комплексов степной Украины, контраст выявился с предельной четкостью. Что мог он привлечь? Сборы Г. И. Горецкого на Нижнем Дону? Сборы Т. М. Минаевой и И. В. Синицына на дюнах Нижнего Поволжья? Сборы В. Д. Белецкого в единичных пунктах Северного Прикаспия? Очень немного можно к этому добавить.

Естественно, при таком состоянии источников создавалось впечатление чрезвычайно слабой заселенности восточных участков степи в неолитическую эпоху, о наличии там лишь небольших и разрозненных групп охотников и рыболовов в поймах рек, не знавших производящих форм экономики и, следовательно, не способных к освоению сколько-нибудь значительных степных участков, особенно в междуречьях.

Это обусловило выдвигание мною те же четверть века назад тезиса о начале подлинного заселения степи лишь в конце энеолита (Мерперт, 1968; Он же, 1974). Отражение этого процесса я видел в формировании древнеямной культурно-исторической области, приведшем к первой, как я тогда полагал, значительной культурной интеграции в степной полосе, к созданию первой из гигантских культурных, а может быть, и этнокультурных общностей, столь характерных для древней ее истории. Сам же процесс представлялся в свою очередь обусловленным распространением на эту зону производящего хозяйства и выработкой здесь специфических форм последнего, прежде всего совершенствованием скотоводческих методов и переходом к различным видам подвижного скотоводства, позволившим реализовать практически беспредельные, но ранее лишь потенциальные кормовые ресурсы степи, освоить значительные пространства и превратить степь из фактора разделяющего и изолирующего отдельные человеческие коллективы в фактор соединяющий, способствующий их контактам и консолидации.

Последнее положение представляется мне не утратившим справедливости и поныне, более того, оно может быть подкреплено значительной суммой новых фактов. Но тезис об увязывании указанного процесса лишь с древнеямными племенами и временем создания их общности, об абсолютном хронологическом первенстве этой общности в истории степной полосы и даже самого ее заселения требует пересмотра. На это я обратил внимание уже на конференции 1980 года в Оренбурге, подчеркнув, что «древнеямные племена не могут уже считаться ни первыми разносчиками металла, ни древнейшими носителями энеолитических культур Волжско-Уральского района. При всей безусловности их роли в распространении здесь производящих форм хозяйства есть основания считать, что последние тоже начали проникать сюда еще на предшествующей ступени развития» (Мерперт, 1980, с. 6).

Такой предшествующей ступенью представлялись тогда энеолитические культуры, начиная с самых ранних, знаменующих переход от неолита к энеолиту и справедливо объединенных И. Б. Васильевым в Мариупольскую культурно-историческую область, охватившую огромный участок степной полосы с прилегающими районами лесостепи и обусловившую уже здесь определенную культурную интеграцию (Васильев, 1981). С этими культурами связывалось мною тогда распространение производящего хозяйства в доямное время. Система

же их представлялась определенной стадией в развитии ряда смежных областей восточноевропейских степей и лесостепи. При этом под словом «стадия» имелось в виду не абстрактное понятие всеобщего этапа чисто конвергентного (вертикального) развития, а совершенно конкретное явление, среди обусловивших факторов которого «могут быть названы: развитие в близких экологических условиях при идентичности природных ресурсов и форм адаптации, что определило и близость экономической базы; постоянные активные и многосторонние связи между конкретными областями, особенно закономерные при близком уровне экономического развития и включавшие... взаимодействие между лесостепными и степными группами (отмеченными определенной экономической и культурной спецификой); диффузию производственных навыков и культурных традиций; рост народонаселения, сегментацию племен и взаимную ассимиляцию, ведущие к усиливающейся культурной интеграции (что касалось и материальной и духовной культуры)» (Мерперт, 1980, с. 14).

Такое содержание вкладывалось в понятие стадии. И определение специфичной энеолитической стадии восточноевропейских степей с ее хронологическими ступенями и конкретными археологическими культурами явилось одним из основных результатов нашей предшествующей конференции. Тем самым была, по сути дела, углублена сама история этой огромной территории, столь значительной для двух континентов.

И вот сейчас создались возможности (а вместе с тем назрела и необходимость) для рассмотрения вопроса о дальнейшем углублении этой истории. Целенаправленные работы ряда исследователей и целых коллективов в значительной серии взаимосвязанных степных и лесостепных регионов резко изменили состояние фонда источников по степному неолиту, а вместе с тем и общие представления о нем и, главное, перспективы дальнейших его исследований.

Я не буду предварять результаты нашей нынешней конференции (Проблемы эпохи неолита..., 1986), которая должна рассмотреть эти новые группы материалов и дать им соответствующую оценку, определить место их в исследовании неолита Восточной Европы и значимость как исторического источника. Но кратко отмечу некоторые показатели принципиальных изменений в состоянии изученности рассматриваемой проблемы. При этом ограничусь двумя аспектами вопроса: степенью охвата степной полосы и юга лесостепи целенаправленными исследованиями неолита в последние десятилетия и характером вводимых в научный оборот памятников — то есть степенью документированности и информативности их материалов.

Рассмотрю оба аспекта в совокупности. Плодотворные исследования традиционных, а в известной мере и эталонных для нашей проблемы территорий левобережной Украины успешно продолжаются, как продолжается и аналитическая обработка конкретных групп их материалов. Это касается как собственно степных, так и лесостепных областей, как бытовых, так и погребальных памятников, представляющих различные этапы развития местного неолита начиная с самого раннего и вплоть до переходного к энеолиту. Здесь безусловный интерес представят включенные в программу конференции доклады Д. Я. Телегина, Е. Н. Титовой, Н. С. Котовой, И. Ф. Ковалевой, З. П. Мариной, И. В. Марковиной.

Непосредственно к востоку — в Северо-Восточном Приазовье — на территории одного из недавних «белых пятен» Л. Я. Крижевской исследовано замечательное раннеэнеолитическое поселение Матвеев курган, культурный слой которого дал превосходно документированный многообразный материал, предельно информативный и крайне важный во многих аспектах, в том числе в аспекте происхождения начальных неолитических культур этого степного региона.

Фактически на смежной с востока территории степного Нижнего Подонья Т. Д. Белановской раскопано многослойное поселение Ракушечный Яр с поразительно четкой стратификацией, представляющей ряд ступеней развития как раннего, так и позднего неолита. Открытие здесь и других памятников (Самсоновское поселение и др.) позволяет уже ставить вопрос о выделении конкретной нижнедонской неолитической культуры (напомню, что еще недавно здесь были известны лишь материалы сборов Г. И. Горецкого).

В то же время другая, глубоко своеобразная неолитическая культура — среднедонская — убедительно выделена в лесостепном Подонье в результате регулярных и плодотворных раскопок А. Т. Синюка. Причем и здесь речь идет о массовом материале стратифицированных культурных слоев.

Начато успешное заполнение значительных «белых пятен» и в следующих к востоку регионах — в Доно-Волжском и Волжско-Уральском междуречьях и в особенно трудных для исследований районах Северо-Западного и Северо-Восточного Прикаспия. В Доно-Волжском междуречье наряду с известными ранее местонахождениями нестратифицированных скоплений разновременных кремневых и керамических находок в результате исследований В. И. Мамонтова, В. П. Третьякова и др. появилась уже серия достаточно выразительных культурных слоев, позволяющих судить о комплексах различных этапов развития неолита этой территории.

В Прикаспии, к которому мы столько раз обращались в поисках корней культур более поздних периодов, еще недавно были известны лишь единичные местонахождения с перемешанными материалами, из которых приходилось типологически вычленять находки различных периодов, число памятников было заметно увеличено А. Н. Мелентьевым, много сделавшим для систематизации материалов и выделения конкретных культур.

Дальнейшим принципиально важным этапом явились здесь исследования коллектива куйбышевских археологов во главе с И. Б. Васильевым, в результате которых была определена уже целая система памятников различных этапов неолита, в том числе сохранившихся культурных слоев. Раскопки таких слоев названной экспедицией (Текденсорское поселение, стоянка Же-калган) и П. М. Кольцовым (Джангарское поселение) дали и для этого участка степной полосы массовый документированный материал.

Здесь нет нужды говорить о связанной как со степью, так и с лесостепью самарской культуре — ярчайшем явлении финального неолита и раннего энеолита Поволжья. Открытие и обоснование ее получили уже широкое признание в науке. Это же следует сказать и о более северных районах лесостепного Среднего Поволжья и Волго-Камья, где вот уже более 35 лет продолжают плодотворные исследования неолитических памятников А. Х. Халиковым и его учениками.

И наконец, территория лесостепного Заволжья и Южного Приуралья — замыкающее восточное звено цепи степных и лесостепных областей европейской части нашей страны. До недавнего прошлого — очередное и весьма значительное «белое пятно», ныне в результате работ Средневожской и, прежде всего, Оренбургской экспедиции, руководимой Н. Л. Моргуновой, заполненное первоклассными материалами широко исследованных поселений, в том числе стратифицированных. Здесь определен один из наиболее значительных «неолитических узлов» рассматриваемых зон, выделена особая волго-уральская культура, документированы три этапа ее развития в пределах VI — V тысячелетий до н.э., четко показаны как ее самобытность, так и многосторонние контакты, совершенно закономерные для места скрещения западных, южных, восточных путей культурных воздействий. В более северных районах приуральской лесостепи значительные группы массового неолитического материала из стратифицированных культурных слоев были получены исследованиями Г. Н. Матюшина.

Полагаю, что уже приведенный краткий обзор позволяет говорить о чрезвычайно резких изменениях в степени изученности степного и лесостепного неолита, происшедших за последние годы. И для этого важнейшего периода, как впоследствии и для энеолита, выделяются не отдельные заселенные районы, разделенные пустыми пространствами, а обширная степная неолитическая зона, не разрозненные очаги, порожденные сторонними вклинениями и влияниями, а сложная система синстадиального развития.

В этой связи особо подчеркну следующее. Наиболее общим и приемлемым индикатором начала неолита для территории нашей страны является появление керамики. Это в равной мере относится как к северной, так и к южной зоне. И если в северной зоне эта первоначальная керамика выявлена достаточно четко, то в южной зоне, и прежде всего в степной полосе, лишь сейчас первоначальные керамические комплексы определены по всей цепи указанных выше основных регионов.

В северной зоне начало неолита, ознаменовавшееся также определенными изменениями в кремневом инвентаре, сочеталось с продолжением развития традиционных форм присваивающего хозяйства. Вопрос же о хозяйственной характеристике неолитического населения степной полосы оставался открытым (за исключением лишь некоторых районов Украины, в большинстве своем лесостепных). Я, во всяком случае, постулируя наличие здесь лишь небольших групп неолитических охотников и рыболовов в поймах рек, предполагал, естественно, использование ими лишь тех же присваивающих форм экономики и связывал начало производящего хозяйства лишь с подвижными формами скотоводства древнеявных племен. В свете новых фактов и этот тезис должен быть пересмотрен. Свидетельства первоначального освоения производящего хозяйства, и прежде всего скотоводства, отмечены фактически во всех рассмотренных регионах степной полосы и юга лесостепи как в поздних, так в ряде случаев и в раннеолитических комплексах. Среди последних достаточно отметить нарастающее число костей домашних быка, свиньи, козы и овцы в слоях поселений сурской культуры; кости свиньи и козы-овцы в Матвеевом кургане; быка, козы-овцы и свиньи в Ракушечном Яре; тех же животных в Каменной Могиле, неолитических слоях горного и степного Крыма, Доно-Волжского и Волжско-Уральского междуречий, из последних прежде всего в Ивановском поселении, Муллино и Давлеканово, наконец, в Прикаспии.

Таким образом, выявляется чрезвычайно важная стадия появления и первоначально — еще ограниченного — распространения производящих форм хозяйства в степной полосе. Есть все основания связывать ее начало с ранним неолитом. А это в свою очередь позволяет заключить, что уже в этот период, а не в конце энеолита, начала определяться роль степной полосы как связующего фактора, обуславливавшего особо активные контакты и распространение культурных достижений на огромных пространствах. Уже тогда приобрел особое значение факт непосредственного соприкосновения степной полосы с рядом первоначальных очагов производящего хозяйства территории нашей страны, да и значительной части Евразии в целом: северо-западно-причерноморским (а через него с балкано-дунайским) на западе, кавказским на юге и среднеазиатским на юго-востоке (а через последние два — с передневозточным). Удревнение свидетельств о начале производящего хозяйства в степи (прежде всего скотоводства) полностью согласуется с удревнением самого его появления в указанных центрах. Ограничусь здесь лишь отдельными наиболее показательными фактами. На Ближнем Востоке свидетельства domestikации коз и овец фиксируются с VIII (а может быть, и с конца IX) тысячелетия, и в VII тысячелетии скотоводство получает уже значительное распространение, тогда же появляется domestikцированный бык. Козы и овцы в указанные периоды достаточно четко представлены в Палестине, Сирии, Леванте, Северо-Западной Месопотамии, Загросе, Юго-Западном Иране, Анатолии, откуда они распространяются на Кавказ, на восток и в Юго-Восточную Европу на западе, причем в обоих последних регионах возможна местная domestikация быка не позже VI тыс. до н.э. Тогда же земледельческо-скотоводческий комплекс старчево-кёреш-криш распространился на значительной территории Балкано-Дунайского региона, воздействуя на смежные области, в том числе и на Северо-Западное Причерноморье, где в буго-днестровской культуре, начиная с того же VI тысячелетия, известны кости domestikцированных быка и свиньи. На Южном Кавказе не позднее VI тысячелетия также сформировался земледельческо-скотоводческий комплекс шулавери-шомутепинской культуры. И что особенно важно для нашей проблемы, особый очаг производящего хозяйства складывается и на Северном Кавказе, в Дагестане, т.е. уже в непосредственной близости к степной полосе. В Южном Прикаспии и Средней Азии (джейтунская культура) козы и овцы известны с VII—VI тысячелетий до н.э., отсюда в VI—V тысячелетиях они проникают восточнее, в область гисарской культуры.

В первоначальном появлении domestikцированных животных в степном неолите определенную роль сыграли, очевидно, все три указанных очага. При этом на ранних этапах явно доминировали западные и, возможно, южные воздействия. Значение же восточных, прикаспийских, возросло к концу энеолита в связи с выработкой специфических подвижных форм

скотоводства и особой ролью овец в их осуществлении. Но и тогда продолжалось сочетание воздействий всех трех центров, сопряженное уже с выработанными специфически степными формами производящего хозяйства. Это была уже следующая стадия, более высокая ступень развития степного скотоводческого населения, обусловившая создание древнеямной культурно-исторической области. Ей должны были предшествовать стадии более ранние. На прошлой конференции была освещена одна из них, предшествовавшая древнеямной непосредственно и начавшаяся в раннем энеолите. И вот сейчас можно с удовлетворением констатировать, что последние исследования позволяют нам впервые специально рассмотреть еще более раннюю — неолитическую — стадию глубоко специфичной истории восточноевропейской степной полосы.

Список использованной литературы

- Брюсов А. Я.** Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.
- Васильев И. Б.** Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981.
- Даниленко В. Н.** Неолит Украины. Киев, 1969.
- Мерперт Н. Я.** Древнейшая история степной полосы Восточной Европы (III — начало II тыс. до н.э.): дис. ... д-ра ист. наук // Архив ИА РАН. 1968. Р-2. № 2010, 2011, 2012.
- Мерперт Н. Я.** Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. 151 с.
- Мерперт Н. Я.** Проблемы энеолита степи и лесостепи Восточной Европы // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.
- Мерперт Н. Я.** К вопросу о термине «энеолит» и его критериях // Эпоха бронзы волго-уральской лесостепи. Воронеж, 1981.
- Проблемы эпохи энеолита** степной и лесостепной полосы Восточной Европы: тез. докладов конф. 19—22 февр. 1980 г. Оренбург, 1980.
- Проблемы эпохи неолита** степной и лесостепной полосы Восточной Европы: тез. докладов конф. 18—21 февр. 1986 г. Оренбург, 1986.
- Телегин Д. Я.** Дніпро-донецька культура. Київ, 1968. 258 с.

И. Н. Васильева, А. А. Выборнов

Самарская государственная социально-гуманитарная академия

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ВИЛОВАТОВСКОЙ СТОЯНКИ: МОРФОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ¹

ВВЕДЕНИЕ

Виловатовская стоянка расположена на левом берегу р. Самары (левого притока р. Волги), в 2 км к СВ от с. Виловатое Богатовского района Самарской области. Она является первым нео-энеолитическим поселенческим памятником Волго-Уралья, в 1977—1979 гг. подвергнутым планомерным раскопкам широкими площадями (Васильев, Выборнов, Габяшев, Моргунова, Пенин, 1980). Площадь раскопанной части культурного слоя составила 1368 кв. м. Расположение стоянки на песчаном всхолмлении обусловило отсутствие четкой стратиграфии и информации о взаимосочетании различных групп материалов в слоях памятника. Керамический комплекс насчитывает около 9000 фрагментов керамики. На основе различий в технике нанесения орнамента исследователями выделено несколько типологических групп керамики неолитического и энеолитического времени (там же, с. 156—175). Разделению на группы были подвергнуты в основном фрагменты верхних частей сосудов (венчики). К неолиту было отнесено 4 группы:

1. Сосуды, орнаментированные прочерченными линиями (30 экз.).
2. Сосуды, орнаментированные только ямочно-жемчужными поясками под венчиком (150 экз.).

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ: проект № 10-01-00393а.

3. Сосуды, украшенные различными вариантами накольчатой техники (130 экз.). На 85 сосудах этой группы помимо накольчатого орнамента отмечено наличие ямочно-жемчужного пояса под венчиком.

4. Сосуды, орнаментированные различными вариантами гребенчатой техники (120 экз.).

Авторы раскопок обратили внимание на присутствие в керамической коллекции Виловатовской стоянки 10 сосудов, украшенных сочетанием накольчатой и гребенчатой техник (там же, с. 165). Впоследствии неолитическая керамика стоянки была разнесена по двум культурным образованиям: раннеолитическому елшанскому типу и средневолжской культуре (Васильев, Выборнов, 1988, с. 22—27).

Проведенное нами исследование керамики Виловатовской стоянки носит комплексный характер. Оно включает: 1) более детальную морфологическую группировку керамики, основанную на технике нанесения орнамента и особенностях формы сосудов; 2) радиоуглеродное датирование конкретных культурных типов керамики; 3) технико-технологический анализ керамики.

Керамика была разделена на елшанский и средневолжский культурные комплексы, внутри которых выделены культурно-хронологические группы. В качестве основных критериев выделения групп приняты следующие особенности: техника нанесения орнамента, особенности профилировки верхних частей сосудов и их размеры. Общеизвестно, что орнамент — один из основных элементов культуры, позволявший членам древних коллективов безошибочно отличать «свою» посуду от «чужой», а исследователям различать родственные и неродственные в культурном отношении группы древнего населения (Цетлин, 2008). Как показали предшествующие исследования неолитической керамики Восточной Европы, для ее группировки наиболее важным признаком является именно техника нанесения орнамента: накалывание и накалывание с протаскиванием («отступающая палочка»), прочерчивание, штампование различными штампами. Серийное радиоуглеродное датирование, проведенное по керамике практически всех выделенных групп, позволило установить их хронологическое соотношение. Исходя из того, что в современных археологических реалиях невозможно определить и продатировать самые ранние и самые поздние сосуды выделенных групп, мы подчеркиваем некоторую условность этих культурно-хронологических групп керамики и имеем в виду скорее время их массового распространения, допуская определенные периоды сосуществования различных групп керамики. Кроме того, исторические процессы и события, влиявшие на изменение состава неолитического населения Поволжья и, соответственно, на его гончарные традиции и бытовую посуду, могли происходить не только в рамках Виловатовской стоянки, но и за ее пределами, в целом на территории региона.

Выделенные морфологические группы керамики Виловатовской стоянки были подвергнуты технико-технологическому анализу. Всего изучено 227 фрагментов верхних и придонных частей неолитических сосудов с морфологическими признаками, позволившими уверенно отнести их к определенным группам и подгруппам. Техничко-технологический анализ осуществлялся по методике А. А. Бобринского путем микроскопического изучения керамики (микроскоп МБС-1), сравнительного исследования археологических образцов и эталонов, а также применения методов физического моделирования (Бобринский, 1978).

Изготовление неолитических сосудов изучаемого памятника производилось в рамках одного *варианта* структуры гончарного производства, которое можно отнести к *простым* (Бобринский, 1999, с. 11). Для него характерны 10 обязательных и 1 дополнительная (орнаментирование) ступени производства. Вся неолитическая керамика сделана без использования гончарного круга и специализированных обжиговых устройств, поэтому можно утверждать, что ее изготовление происходило в рамках *домашнего производства* для нужд каждого отдельного домохозяйства.

Выделение информации в ходе изучения керамики Виловатовской стоянки и изложение его результатов в данной статье производится в соответствии с *естественной структурой гончарного производства* (Бобринский, 1999, с. 9—11). Структура любого гончарного

производства, независимо от времени и места, характеризуется определенной устойчивой и обязательной последовательностью технологических операций, обусловленной целью и спецификой самого производства — процесса превращения исходного сырья в готовое изделие. Она включает три стадии: подготовительную, созидательную, закрепительную. Ниже представлены результаты исследования морфологии и технологии изготовления керамики елшанской и средневолжской неолитических культур, обнаруженной в культурном слое Виловатовской стоянки.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИЗУЧЕНИЯ МОРФОЛОГИИ И ТЕХНОЛОГИИ КЕРАМИКИ

1. Елшанская культура

Для комплексного изучения отобраны фрагменты от верхних и придонных частей 81 сосуда елшанской культуры.

Морфологическая группировка керамического материала

Накопленные к настоящему времени стратиграфические и статистические наблюдения, а также абсолютное датирование самой керамики позволили разделить керамику елшанской культуры на 3 комплекса, условно названные ранним, средним и поздним¹:

1. *Ранний комплекс* (8 обр.) — к нему отнесена неорнаментированная небольших размеров посуда, изредка с просверленными после обжига отверстиями в верхней части сосуда (возможно, только остродонная):

1-а — профилированная, с S-видным профилем верхней части сосуда (5 экз.) (рис. 1, 3);

1-б — прямостенная (3 экз.) (рис. 1, 1—2). Аналогичная посуда представлена на стоянках бассейна р. Сок (Барынкин, Козин, 1991). Серия радиоуглеродных дат, сделанная к настоящему времени по керамике данного типа, указывает на бытование подобной посуды в течение VI тыс. до н.э.² Так, по органике во фрагментах от сосудов со стоянки Ивановская получены даты 7930 ± 90 (6860—6680 лет BC), 7780 ± 90 (6690—6470 лет BC) (Выборнов, Ковалюх, Ластовский, Мамонов, Моргунова, Скрипкин, 2008).

2. *Средний комплекс* (40 обр.) включает посуду небольших размеров (по-видимому, в основном круглодонную и с уплощенным дном), которая подразделяется на следующие группы, орнаментированные:

2-а — насечками (наколами) по срезу венчика (3 экз.) (рис. 1, 4—5);

2-б — ямочно-жемчужным пояском по горловине (10 экз.);

2-в — прочерченным орнаментом, нанесенным узким орудием (ширина рабочего края менее 1 мм) (14 экз.) (рис. 1, 6—8). Сходная керамика встречена на памятниках как р. Самары (Моргунова, 1995), так и более северной территории Самарского Поволжья (Выборнов и др., 2007). Подобный тип посуды датируется последней четвертью VI тыс. до н.э. Так, по углю, прикипевшему к фрагменту сосуда со стоянки Чекалино IV, получена дата 7250 ± 60 BP (6211—6136 лет BC).

2-г — группа керамики с сочетанием ямочно-жемчужного пояса по горловине и прочерченного орнамента, а также с наколами (насечками) по срезу венчика. При этом прочерчивание осуществлялось орудием, ширина рабочего края которого (часто неровного) в отличие от подгруппы 2-в составляла 2—3 мм (13 экз.) (рис. 1, 9—10). Такой тип керамики обнаружен на II Старо-Елшанской стоянке на р. Самаре (Васильев, Пенин, 1977). Данная группа отличается от других также почти постоянным наличием статических волосообразных отпечатков на внешней и внутренней поверхностях сосудов. Судя по радиоуглеродным датам, период существования такой посуды — первая четверть V тыс. до н.э. Так, по органике в керамике стоянки Ильинка получена дата 6940 ± 90 BP (5900—5720 лет BC) (Выборнов, 2008, с. 241).

3. *Поздний комплекс* (25 обр.) — более крупные прямостенные сосуды с ямочно-жемчужным пояском по горловине, по-видимому, в основном плоскодонные (так называ-

¹ Имеется в виду время их появления по отношению друг к другу, хотя данные комплексы в какие-то периоды могли сосуществовать.

² Здесь и далее авторы датируют типы керамики в традиционной хронологии, исходя из радиоуглеродных определений. BP — даты от наших дней; BC — даты калиброванные.

емый 2 тип елшанской керамики). Подобный комплекс характерен для стоянки Красный Городок на р. Сок (Кузьмина, Ластовский, 1994) и памятников более северных районов Средневолжья (Вискалин, 2004). Согласно радиоуглеродным датам, полученным по керамике такого типа, она относится ко второй четверти V тыс. до н.э. Так, по органике в черепках стоянки Красный Городок получена дата 6730 ± 100 BP (5730—5530 лет BC), а со стоянки Луговое III — 6700 ± 100 BP (5720—5530 лет BC) (Выборнов, 2008).

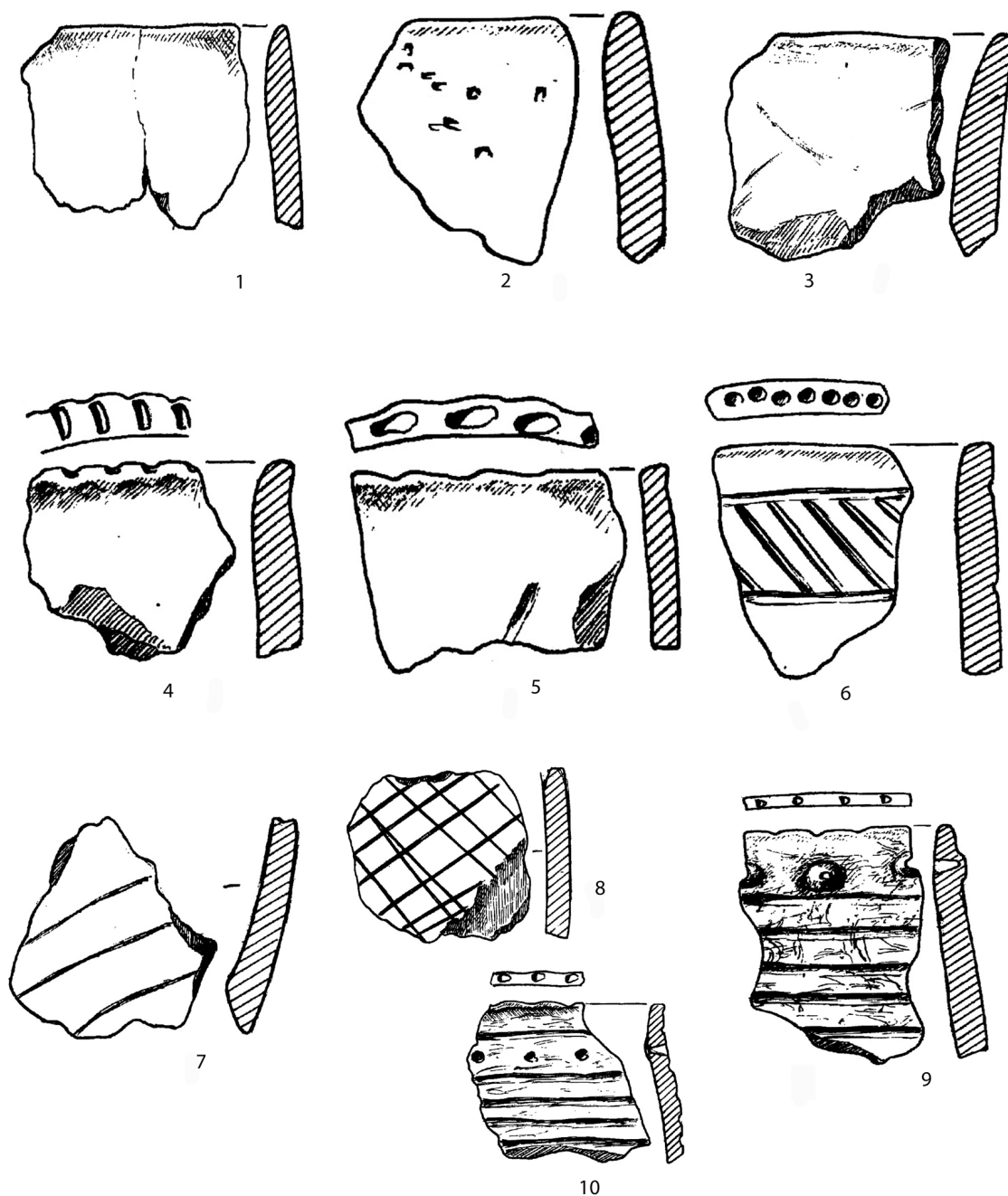

Рис. 1. Керамика Виловатовской стоянки. Елшанский тип. Ранняя группа (1—3), средняя группа (4—10)

4. В отдельную группу входят округлые и уплощенные днища без орнамента, которые предположительно отнесены к елшанскому комплексу, но не могут быть четко отнесены к какой-либо вышеописанной группе (8 экз.). Аналогичная ситуация с подобными днищами наблюдается на Ивановской стоянке на р. Ток (Моргунова, 1995).

Гончарная технология населения елшанской культуры

Подготовительная стадия. На данной стадии гончарной технологии изучению подвергаются виды исходного пластичного сырья (ИПС), источники добычи этого сырья, способы его подготовки и рецепты составления формовочных масс (ФМ). Группировка ИПС керамики Виловатовской стоянки включает следующие уровни:

1. Выделено 2 вида ИПС: илы (И) и илистые глины (ИГ). Под илами (И) имеются в виду неуплотненные илистые осадки, располагавшиеся в заболоченных прибрежных участках водоемов, современных древним коллективам. Под микроскопом в черепке археологической керамики, изготовленной из илов, помимо глинистого субстрата и минеральных естественных примесей фиксируются: большое количество растительных остатков (нитчатых водорослей; фрагментов корней, листьев и стеблей сгнивших водных и наземных растений); остатки водной фауны (кости и чешуя рыб); часто, но не всегда — пресноводные моллюски и их обломки. Илистые глины (ИГ) также были приближены к водоемам, но связаны с береговыми залежами, уже более уплотненными слоями пластичного сырья. Они по своему составу ближе к глинам, но сохраняют некоторые признаки илов, а именно их органический и органо-минеральный компоненты в измельченном перегнившем виде и в значительно меньшей концентрации. Как показали предыдущие исследования неолитического гончарства Поволжья, изготовление посуды из этих двух видов ИПС отражает разные представления о пластичном сырье для изготовления бытовой посуды, распространенные в различных неолитических коллективах.

2. Подвиды ИПС (тощие и жирные) маркируют разные культурные традиции, отражавшие различные требования древних гончаров к чистоте сырья и выделенные на основе степени запесоченности сырья: 1) «тощее» сырье (средне- и сильнозапесоченное) и 2) «жирное» сырье (слабозапесоченное). Как правило, в керамике елшанской культуры встречается кварцевый и цветной окатанный и полуокатанный песок с размером частиц менее 0,3—0,5 мм, хотя есть часть сосудов, содержащих более крупный песок до 1 мм.

3. Варианты ИПС: «Р» — с раковиной, «б/Р» — без раковины. Естественная примесь мелких обломков раковин пресноводных моллюсков визуальнo четко фиксировалась и ощущалась руками, т.е. выбор такого сырья осуществлялся, несомненно, осознанно, из чего можно сделать вывод об определенном значении раковинной примеси в пластичном сырье. Здесь следует иметь в виду, что раковина была постоянным компонентом илов (по неолитическим материалам Северного Прикаспия и степного Поволжья) и являлась значимым культурным признаком гончарства именно данного региона. В целом присутствие раковины в ИПС рассматривается нами как важный критерий различения культурных традиций отбора ИПС. Результаты изучения исходного пластичного сырья подведены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты изучения ИПС керамики елшанской керамики Виловатовской стоянки

Комплексы, группы керамики	Илистые глины				Илы				Итого:
	тощие		жирные		тощие		жирные		
	б/Р	Р	б/Р	Р	б/Р	Р	б/Р	Р	
Ранний комплекс									
Группы неорнаментированной керамики:									
1-а. С S-видным профилем	3	1	—	—	—	—	—	1	5
1-б. Прямостенная	1	1	1	—	—	—	—	—	3
Всего:	4/ 50%	2/ 25%	1/ 12,5%	—	—	—	—	1/ 12,5%	8/ 100%
	87,5%				12,5%				100%
Средний комплекс									
2-а. Насечки по срезу	1	2	—	—	—	—	—	—	3
2-б. Ямочно-жемчужный пояс	4	5	1	—	—	—	—	—	10

Комплексы, группы керамики	Илистые глины				Илы				Итого:
	тощие		жирные		тощие		жирные		
	б/Р	Р	б/Р	Р	б/Р	Р	б/Р	Р	
2-в. Прочерченный	13	—	—	—	1	—	—	—	14
2-г Ям/жемч. + прочерч. + насечки по срезу	11	1	—	—	1	—	—	—	13
Всего:	29/ 72,5%	8/ 20%	1/ 2,5%	—	2/ 5%	—	—	—	40/ 100%
	95%				5%				100%
Поздний комплекс									
3. Ямочно-жемчужный пояс	4/ 16%	7/ 28%	—	—	6/ 24%	7/ 28%	—	1/ 4%	25/ 100%
Всего:	44%				56%				100%
4. Придонные части (округлые и уплощенные)	1	3	—	—	1	2	1	—	8
Всего	38	20	2	—	9	9	1	2	81

Ед. измерения — образец (условно отдельный сосуд); б/Р — без раковины, Р — с раковиной

Данные о представлениях елшанского населения о пластичном сырье, полученные в ходе микроскопического изучения керамики и приведенные в таблице 1, убедительно показывают полное преобладание илистых глин в изготовлении бытовой посуды раннего и среднего елшанских комплексов (87,5—95%). Сосуды елшанского облика этих групп, сделанные из илов, встречаются единично. Положение резко изменилось в период бытования позднего елшанского комплекса: 56% посуды этой подгруппы изготовлено уже из илов. Примечательно, что эта группа керамики имеет более поздний радиоуглеродный возраст. Массовыми традициями отбора пластичного сырья для сосудов всех трех елшанских комплексов было использование запесоченного («тощего») сырья. При этом доля ИПС с естественной примесью раковины в первых двух комплексах была незначительной, в позднем — увеличилась до 60% (включая илы и илистые глины).

На ступени обработки ИПС выявляются признаки состояния сырья (сухого или влажного), в котором оно находилось непосредственно перед составлением формовочной массы, а также возможных способов подготовки сырья: высушивания, дробления, просеивания и т.д. Методический уровень позволяет сегодня фиксировать состояние сырья, дробленного в сухом виде (по нерастворившимся комочкам глины, линзам разной цветности и др.). Изучение керамики елшанского облика показало полное отсутствие таких признаков, поэтому предполагается использование ИПС в естественно увлажненном состоянии.

Последней ступенью подготовительной стадии гончарной технологии является составление формовочной массы (ФМ), которая может быть подготовлена из ИПС без искусственных примесей, а также из смеси ИПС и специально введенных органических и минеральных добавок. Микроскопическое изучение елшанской керамики Виловатовской стоянки позволило констатировать отсутствие каких-либо искусственных добавок в значительном количестве изученных сосудов, а также выявить следующие искусственные добавки: органические растворы (ОР), шамот (Ш). Органические растворы (ОР) — предположительно, клеящие природные жидкие вещества растительного и животного происхождения, которые после сушки и термической обработки оставляют в черепке керамики плоскостные и аморфные объемные полости-пустоты размером в среднем от 1 мм до 1 см. На стенках этих пустот зафиксирован налет вещества определенной плотности и цвета: 1) с белым и сероватым налетом; 2) коричневатого-черным маслянистым налетом. Шамот (Ш) — искусственная минеральная примесь, которая готовится из порошка старых раздробленных сосудов.

Таблица 2

Результаты изучения формовочных масс керамики елшанской культуры Виловатовской стоянки

Комплексы, Группы керамики	Рецепты формовочных масс				Итого
	Без иск. примесей	ОР	ОР + Ш < 1 мм ед.	Ш < 3 мм 1:4	
Ранний комплекс					
Группы неорнаментированной керамики:					
1-а. С S-видным профилем	4	1	—	—	5
1-б. Прямостенная	2	1	—	—	3
Всего	6/75%	2/25%	—	—	8/100%
Средний комплекс					
2-а. Насечки по срезу	2	1	—	—	3
2-б. Ямочно-жемчужный поясок	8	—	1	1	10
2-в. Прочерченный	3	11	—	—	14
2-г. Ям/жемч. + прочерч. + насечки по срезу	3	10	—	—	13
Всего	16/40%	22/55%	1/2,5%	1/2,5%	40/100%
Поздний комплекс					
3. Ямочно-жемчужный поясок	20/80%	4/16%	1/4%	—	25
4. Придонные части (округлые и уплощенные)	—	8/100%	—	—	8/100%
Всего	42/52%	36/44%	2/3%	1/1%	81/100%

Ед. измерения — исследованный образец (условно отдельный сосуд); ОР — органический раствор; Ш — шамот; 1:4 — концентрация шамота (на 4 части сырья — 1 часть шамота); ед. — шамот в крайне незначительной концентрации (1:7—8)

Изучение традиций составления формовочных масс, распространенных в среде населения елшанской культуры, показало, что наиболее массовыми были навыки подготовки ФМ без искусственных добавок (52%) и навыки введения в ФМ органических растворов (44%). В раннем елшанском комплексе Виловатовской стоянки отсутствуют сосуды, изготовленные с примесью шамота. В среднем комплексе выявлено два сосуда с такой примесью. Они представляют собой небольшие прямостенные сосуды с ямочно-жемчужным пояском. Ямки имеют диаметр не более 2 мм и нанесены с внешней стороны сосуда, образуя на внутренней поверхности жемчужины. Один из них изготовлен из слабозапесоченной илстой глины без раковины. Концентрация шамота в нем составила 1:4. Размер остроугольных частиц шамота — 1—3 мм. Второй сосуд сделан из сильнозапесоченной илстой глины с единичными включениями раковины (менее 1 мм). Шамот встречается в черепке этого сосуда единично (концентрация не более 1:7—8), и его размер не превышает 1 мм. В позднем елшанском комплексе обнаружен один сосуд с шамотом: он имел баночную форму и орнаментирован одним рядом ямок изнутри, образуя на внешней поверхности жемчужины. Эта поверхность заглажена деревянным орудием с зубчатым рабочим краем. Сосуд изготовлен из среднезапесоченного ила без раковины. Шамот был введен в формовочную массу в концентрации не более 1 : 7. Размер включений шамота не превышал 1 мм. В целом доля сосудов с шамотом в общем объеме керамики елшанского облика на Виловатовской стоянке не превышает 4—5%.

Созидательная стадия. В рамках данной стадии гончарной технологии рассматриваются вопросы конструирования сосудов (начинов, полого тела), способов придания им окончательной формы, а также приемов обработки поверхностей. Плохая сохранность и измельченное состояние изученных образцов дали возможность определить лишь общие приемы изготовления сосудов и сделать заключение об использовании лоскутного налёпа в сочетании с формами-моделями. Зафиксированы приемы хаотичного и более организованного (приближенного к кольцевому) наложения комков ФМ. Размер строительных элементов не

превышал 2—3 см. В качестве форм-моделей применялись основы и емкости, по-видимому, с кожаными прокладками (иногда неочищенными шкурами животных). На ступени обработки поверхностей сосудов были выявлены безгрунтовочные приемы: ручное заглаживание и уплотнение (способ, аналогичный лощению, но без характерного блеска). Уплотнению подвергалась в основном внешняя поверхность сосудов. Хотя в подгруппах керамики с прочерченным орнаментом и с сочетанием прочерченного орнамента с ямочно-жемчужным пояском значительна доля сосудов с обеими уплотненными («подлощенными») поверхностями. В качестве инструмента заглаживания чаще всего использовался мягкий материал (кожа?). В раннем и среднем елшанских комплексах керамики случаи применения твердых предметов для заглаживания (деревянных ножей и створок раковин) единичны. В практике изготовления керамики позднего комплекса использование таких инструментов увеличилось, а также получил распространение прием заглаживания твердым орудием типа гребенчатого штампа.

Закрепительная стадия. На данной стадии гончарного производства происходит придание прочности и водонепроницаемости сосудам. Данные приемы изучаются в основном по механической прочности сосудов и характеру цветowych прослоев излома черепка. В качестве основного приема придания прочности и устранения влагопроницаемости елшанских сосудов применялся обжиг. Механическая прочность фрагментов довольно высокая. Многократно зафиксированная нами пятнистость поверхностей сосудов указывает на применение кострового обжига. Преобладающим видом окраски изломов елшанской керамики был трехслойный: внешний и внутренний слои — осветленные, мощностью 0,1—1 мм, сердцевина черепка — черная или темно-серая, мощностью 4—7 мм. Варьирование толщины поверхностных осветленных слоев, образовавшихся в ходе обжига с доступом кислорода, от 0,1 до 2—3 мм, что может быть объяснено неравномерностью кострового обжига. В целом же полученные данные позволяют предполагать костровый обжиг с длительным периодом обжига при низких температурах в восстановительной атмосфере и непродолжительной выдержкой при температурах каления (650—700°). Сохранность обломков раковины в черепке елшанской керамики указывает на вероятность использования таких условий обжига, при которых сосуды длительное время были изолированы от открытого огня (использование прокладки из золы?).

2. Средневожская культура

Исследовано 146 образцов керамики средневожской неолитической культуры (условно отдельных сосудов).

Морфологическая группировка керамики

К средневожской культуре были отнесены накольчатый и гребенчатый керамические комплексы:

1. *Накольчатый комплекс.* Керамика с накольчатым орнаментом условно разделена по ряду признаков на 3 группы: раннюю, среднюю, позднюю.

К *ранней группе* принадлежат плоскодонные тонкостенные сосуды, орнаментированные в основном «отступающей палочкой», т.е. в технике накалывания с отступанием (16 обр.); редко — сочетанием предыдущей техники и отдельных наколов (1 обр.) и отдельно нанесенными мелкими наколами (4 обр.) (рис. 2, 1—6). Орнаментами служили твердые предметы с тонким (не более 1—1,5 мм) овальным или треугольным рабочим краем. Аналогичная керамика представлена на стоянке Варфоломеевка (Юдин, 2004). Судя по радиоуглеродным датам, она относится к первой половине V тыс. до н.э. Так, по органике керамики накольчатого типа с Ивановской стоянки получены даты 6930 ± 90 BP (5900—5720 лет BC) и 6840 ± 90 BP (5800—5630 лет BC) (Выборнов, Ковалюх и др., 2008).

К *средней группе* отнесена керамика, орнаментированная ямочно-жемчужным пояском в сочетании с «отступающей палочкой», причем более крупные орнаменты использовались чаще, чем в ранней группе (25 обр.), а также прочерчиванием в сочетании с более крупными отдельными наколами (6 обр.) (рис. 2, 7—9; рис. 3, 1—2). Сходная посуда обнаружена на II Щербетской стоянке (Габяшев, 2003). Даты по органике в керамике с этой стоянки: середи-

на — третья четверть V тыс. до н.э. — 6620 ± 90 ВР (5620—5480 лет ВС) и 6530 ± 90 ВР (5560—5460 лет ВС) (Выборнов, Габышев и др., 2008).

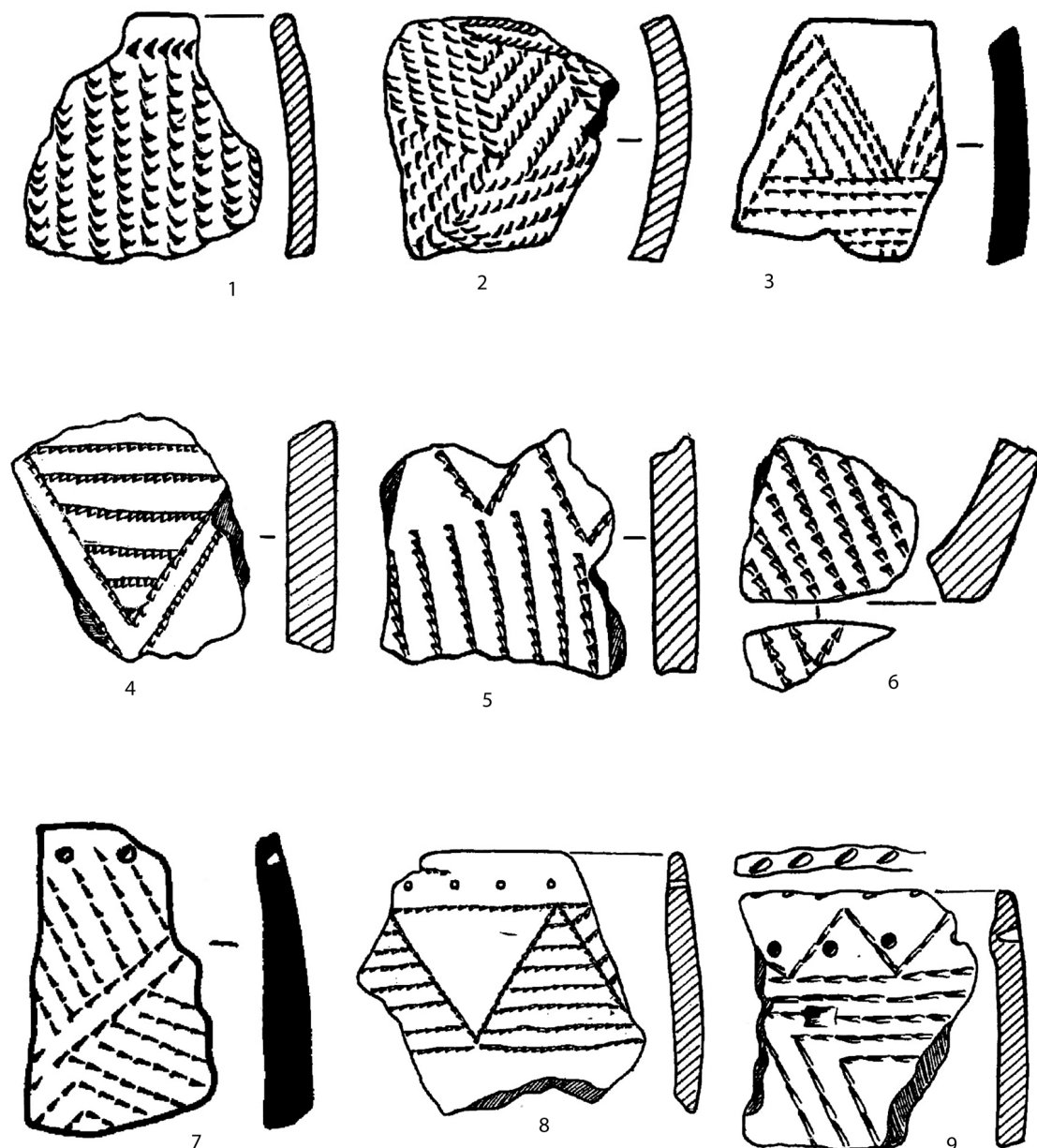

Рис. 2. Керамика Виловатовской стоянки. Средневолжский тип. Ранняя группа (1—6), средняя группа (7—9)

В *позднюю группу* выделены плоскодонные, более крупные и толстостенные сосуды, орнаментированные ямочно-жемчужным пояском в сочетании с отдельными крупными наколами и «отступающей палочкой» (25 обр.) (рис. 3, 3—7). Зачастую накольный орнамент на этих сосудах был нанесен небрежно, с протаскиванием и разным расстоянием между наколами (до 1 см). Сечение рабочего края орнаментов — овальное и треугольное. Данный тип посуды по радиоуглеродному методу датируется последней четвертью V тыс. до н.э. — началом IV тыс. до н.э. Так, по органике в керамике Виловатовской стоянки получены даты 6020 ± 90 ВР (5040—4790 лет ВС) и 5920 ± 90 ВР (4860—4680 лет ВС) (Выборнов, Ковалюх и др., 2008).

2. *Гребенчатый комплекс*. Керамика с гребенчатым орнаментом включает следующие группы:

2-а — с коротким изогнутым гребенчатым штампом (до 1,5 см) (рис. 4, 1—4). Такие сосуды относятся к последней четверти V тыс. до н. э. По органике в керамике с Виловатовской стоянки даты 6160 ± 100 BP (5260—4950 лет BC) и 6010 ± 80 BP (5000—4770 лет BC) (Выборнов, 2008).

2-б — с длинным прямым гребенчатым штампом (3—4 см) (рис. 4, 5—10). Аналогичная керамика, по всей видимости, датируется первой четвертью IV тыс. до н.э.

2-в — с «шагающей гребенкой» (рис. 3, 8; 4, 11—12).

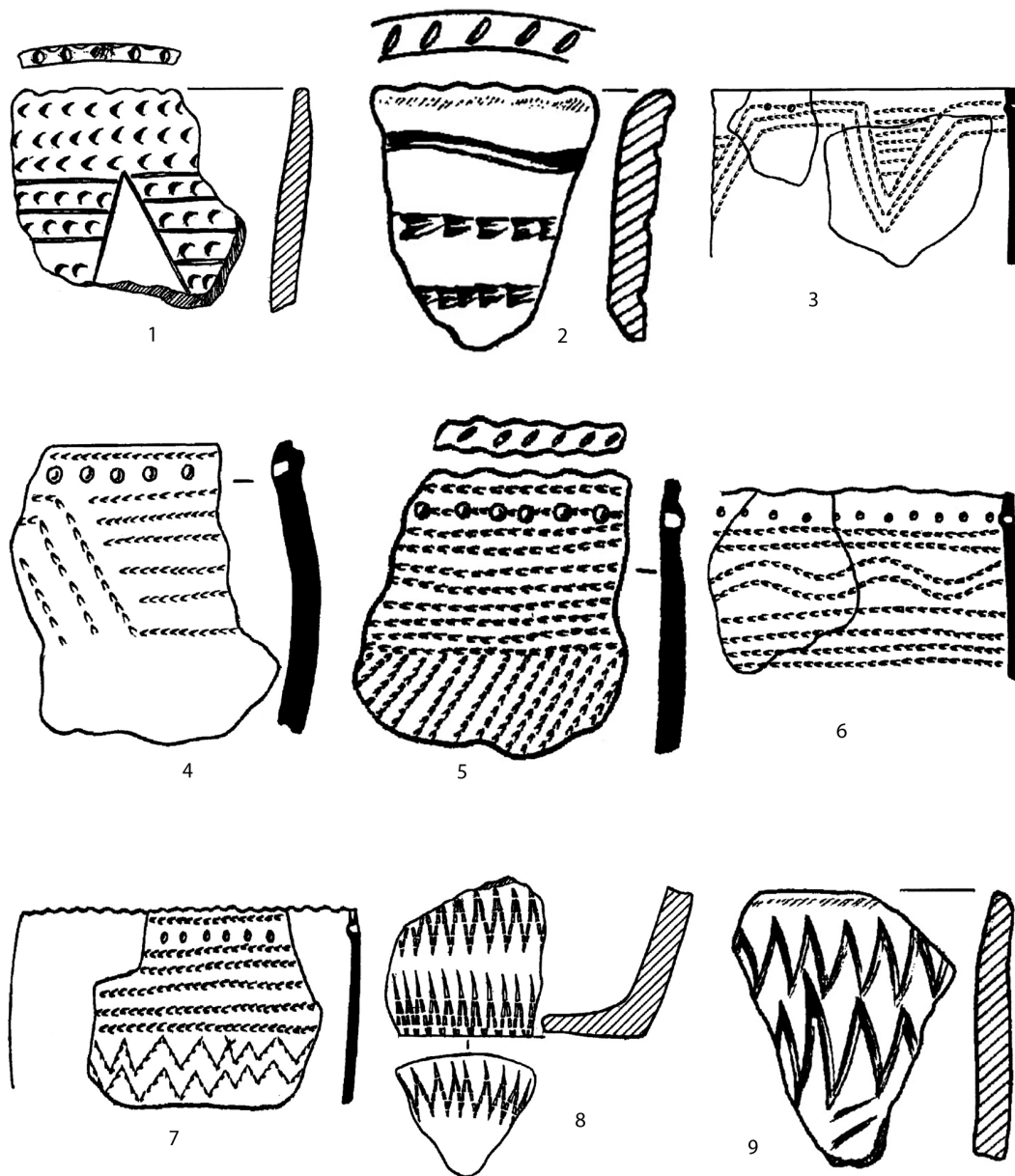

Рис. 3. Керамика Виловатовской стоянки. Средневолжский тип. Средняя группа (1—2, 9), поздняя группа (3—7)

3. *Смешанный комплекс.* В особую группу была выделена керамика, орнаментированная разными приемами, например сочетаниями: а) «гладкая качалка» + накальвание (рис. 3, 9) или б) ямочно-жемчужный пояс + короткий гребенчатый штамп + накальвание.

Гончарная технология населения средневолжской культуры

Подготовительная стадия. При изучении исходного пластичного сырья керамики средневолжской культуры выявлено 3 вида: илы, илистые глины и глины. Первые два вида описаны в разделе о елшанской гончарной технологии. Глины — осадочные горные породы,

источники которых могут быть приурочены как к берегам водоемов, так и к удаленным от них районам. Основным отличием глин от илов и илистых глин является полное отсутствие в них остатков водной и околотовной растительности, а также водной фауны.

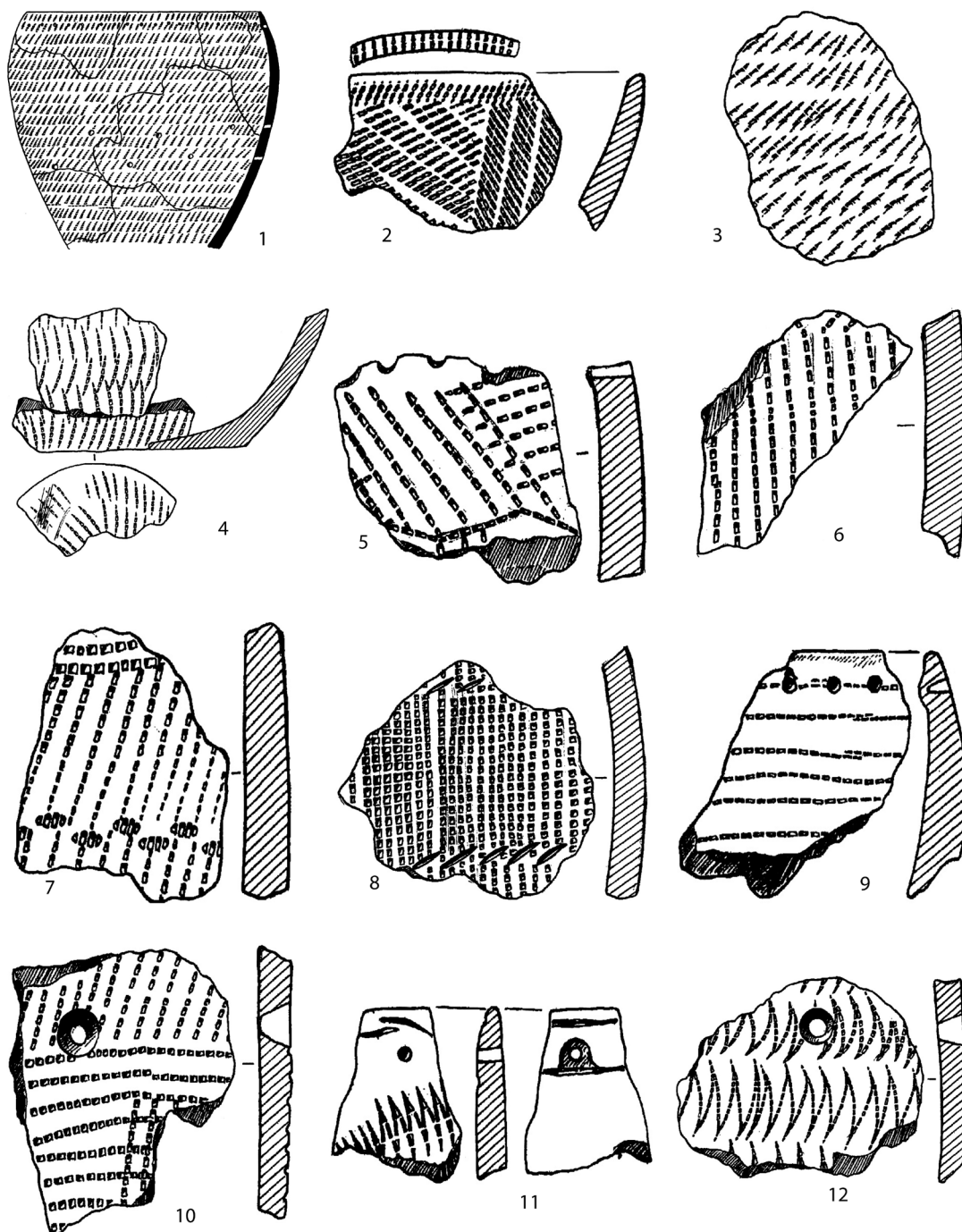

Рис. 4. Керамика Виловатовской стоянки. Средневолжский тип. Ранняя группа (1—4), поздняя группа (5—10), с шагающей гребенкой (11—12)

Таблица 3

Результаты изучения ИПС керамики средневолжской культуры

Комплексы, группы керамики	Илистые глины				Илы				Глины	
	тощие		жирные		тощие		жирные		жирные	Итого
	б/Р	Р	б/Р	Р	б/Р	Р	б/Р	Р	б/Р	
Накольчатый комплекс										
1. Ранняя	2	2	—	—	10	—	4	3		21

Комплексы, группы керамики	Илистые глины				Илы				Глины	
	тощие		жирные		тощие		жирные		жирные	Итого
	б/Р	Р	б/Р	Р	б/Р	Р	б/Р	Р	б/Р	
2. Средняя										
2а. Ям/жемч. + ОП	4	1	—	—	11	7	2	—	—	25
2б. Наколы + прочерчивание	6	—	—	—	—	—	—	—	—	6
3. Поздняя	6	4	2	1	10	—	2	—	—	25
Всего	18	7	2	1	31	7	8	3	—	77
	36%				64%				—	100%
Гребенчатый комплекс										
4. Ям/жемч. + КГШ	—	—	—	—	9	1	6	2	—	18
5. ДГШ	2	3	1	1	—	10	—	7	3	27
6. Ям./жемч. + ШГ	—	—	—	1	12	2	1	1	—	17
Всего:	2	3	1	2	21	13	7	10	3	62
	13%				82%				5%	100%
Смешанный комплекс										
7. Гладкая качалка + ОП	—	—	—	—	1	—	—	1	—	2
8. Ям/жемч. + КГШ + ОП	1	—	—	—	3	—	1	—	—	5
Всего	1	—	—	—	4	—	1	1	—	7
	14%				86%				—	100%

Сокращения: ям/жемч. — ямочно-жемчужный поясок; ОП — «отступающая палочка»; КГШ — короткий гребенчатый штамп; ДГШ — длинный гребенчатый штамп; ШГ — «шагающая гребенка»; ед. измерения — исследованный образец (условно отдельный сосуд).

Из таблицы 3 видно, что преобладающим видом ИПС для керамики средневожской культуры являлись илы. Однако существовали определенные особенности распространения тех или иных видов ИПС в культурных группах, изготавливавших керамику с разными морфологическими особенностями.

В рамках накольчатого комплекса прослежена четкая тенденция увеличения со временем приемов использования илистых глин: для ранней группы характерно всего 19% сосудов из илистых глин; для средней — 35% (причем подгруппа керамики, орнаментированная наколами и прочерчиванием, полностью изготовлена из илистых глин); для поздней — 52%. Обращает на себя внимание тот факт, что переход к илистым глинам в данной группе неолитического населения Самарского Поволжья не сопровождался формированием традиции введения искусственной примеси раковины, как в степном Поволжье (Орловка, Варфоломеевка). В целом сырье с естественной примесью раковин пресноводных моллюсков использовалось населением, оставившим керамику с накольчатым орнаментом на Виловатовской стоянке, чаще, чем в елшанском гончарстве, однако значительно меньше, чем, например, неолитическим населением Северного Прикаспия. То же можно сказать и о приемах отбора сырья определенной чистоты и жирности: в рамках средневожского накольчатого комплекса преобладает керамика, сделанная из «тощего» сырья, в то время как в Северном Прикаспии и степном Поволжье преобладали навыки отбора «жирного», т.е. слабозапесоченного сырья.

В рамках гребенчатого комплекса наблюдается полное преобладание сосудов, изготовленных из илистого сырья (82%). Посуда, украшенная коротким гребенчатым штампом и ямочно-жемчужным пояском, на 100% сделана из илов. Из 17 фрагментов сосудов, орнаментированных «шагающей гребенкой», только 1 — из илистой глины, остальные сделаны из илов. Более сложная картина прослежена в группе керамики, орнаментированной длинным

гребенчатым штампом: из илов изготовлено 63% (рис. 4, 8—10), из илистых глин — 26%, из глин — 11% (рис. 4, 5—7). Первое появление представлений о глине как сырье для производства посуды в нашем регионе было связано, по-видимому, именно с данной группой неолитического населения, орнаментировавшей свою посуду длинным гребенчатым штампом.

На ступени подготовки пластичного сырья для производства керамики средневожской культуры зафиксировано массовое распространение приемов использования сырья в естественно увлажненном состоянии.

Данные, полученные в результате исследования формовочных масс керамики средневожской культуры, представлены в таблице 4.

Таблица 4

Результаты изучения формовочных масс керамики средневожской культуры Виловатовской стоянки

Комплексы, группы керамики	Формовочные массы							Итого
	Без иск. примесей	ОР	Ш ед.	Ш 1:5	Ш 1:4	Ш ед. + ПП	ПП	
Накольчатый комплекс								
1. Ранний	7	11	—	3	—	—	—	21
2. Средний								
2а. Ям/жемч. + ОП	13	12	—	—	—	—	—	25
2б. Наколы + прочерчивание	—	6	—	—	—	—	—	6
3. Поздний	9	15	—	1	—	—	—	25
Всего	29	44	—	4	—	—	—	77
	38%	57%		5%	—	—	—	100%
Гребенчатый комплекс								
4. Ям/жемч. + КГШ	2	10	5	1	—	—	—	18
5. ДГШ	2	19	—	1	1	2	2	27
6. Ям./жемч. + ШГ	7	10	—	—	—	—	—	17
Всего	11	39	5	2	1	2	2	62
	18%	63%	8%	3%	2%	3%	3%	100%
Смешанный комплекс								
7. Гладкая качалка + ОП	—	1	1	—	—	—	—	2
8. Ям/жемч. + КГШ + ОП	2	2	1	—	—	—	—	5
Всего	2	3	2	—	—	—		7
	29%	42%	29%					100%

Ед. измерения — исследованный образец (условно отдельный сосуд); ОР — органический раствор; Ш ед. — шамот в единичной концентрации; 1:4/5 — концентрация шамота (на 4—5 частей ИПС — 1 часть шамота); ПП — птичий пух.

Состав традиций составления формовочных масс керамики с накольным орнаментом обнаруживает близость с елшанским: массовыми были приемы подготовки ФМ без искусственных добавок и с органическими растворами, которые, возможно, были больше связаны с задачей придания прочности сосудам, т.е. с закрепительной стадией гончарной технологии. В целом можно говорить о массовом распространении взглядов на илы и илистые глины как моносырье (без добавления каких-либо искусственных примесей). Невелик был и процент рецептов с шамотом, т.е. в производстве накольной керамики Виловатовской стоянки «шамотная» традиция не получила широкого распространения.

Сравнение рецептов ФМ керамики накольного и гребенчатого комплексов стоянки указывает на определенное сходство традиций составления ФМ, вместе с тем очевидна и неоднородность состава рецептов масс в последнем. Обращает на себя внимание следующая специфика распространения культурных традиций в разных группах неолитического населения, оставившего керамику с гребенчатым штампом. Во-первых, в целом в рамках гребенчатого комплекса наблюдается тенденция увеличения доли рецептов с шамотом (с 5% в накольном до 16% в гребенчатом). Причем из формовочных масс с шамотом была сде-